

**Трактаты
святитель Иннокентий, архиепископ
Херсонский и Таврический**

О неологизме или рационализме

Рационалистами называются те из новейших иностранных богословов, которые в религии христианской не допускают ничего сверхъестественного, – и называются в том предположении, будто они в деле религии поступают сообразно с достоинством разума: другие гораздо справедливее и приличнее называют их **неологами**, новомодными богословами, новейшими социанами и христианскими деистами. Рационализму обыкновенно, хотя и несправедливо, противопоставляют супернатурализм или такой образ мыслей о религии, по коему допускается существование сверхъестественного откровения. Поскольку сей образ мыслей исповедован в богословии от начала христианства до наших времен, то рационалисты последователей его называют **палеологами** или старыми богословами.

Происхождение неологизма. Неологизм возник в Германии, в начале последней половины прошедшего (восемнадцатого) столетия. Ближайшим поводом к распространению его послужило усилившееся между тогдашними богословами мнение, что система церковного учения у католиков и протестантов не во всем согласна с учением библейским, а потому их догматика, в прежнем ее виде, совершенно не годится для новейших времен. Вследствие сего предубеждения, многие догматы подверглись критике, которая не умедлила объявить некоторые из них не доказанными и противными разуму. Умереннейшие из германских неологов думали удовлетвориться преобразованием церковного учения, в духе социаниан; но большая часть под руководством тайного общества иллюминатов пошла далее. Одни, например Эйхгорн, приводили в подозрение подлинность и богодухновенность священных книг и приискивали способы изъяснить естественно все, что в них есть сверхъестественного. Другие, как Аммон, клеветали на историю догматов, представляли образование их в настоящем виде следствием влияния восточной и неоплатонической философии, как на учителей Церкви, так и на самых священных писателей; иные защищали достоинство естественной религии, якобы несправедливо униженной перед христианскою; некоторые, например Бард и Эдельман, старались усвоить самым основателям христианства рационалистический образ мыслей, признавая их за учителей естественной религии, не понятых и обезображенных последователями. Не имея общего начала, каждый неолог принимал и отвергал, что хотел, доколе Кант не заключил религию в

пределы, так называемого, чистого разума.

Главная цель неологии. Держась главного положения Кантовой религии, что **христианство есть ничто иное, как символическое представление идей естественной религии**, неологи устремили все свои усилия на то, чтобы при помощи философии, открыть в исторических христианских символах чистую религию под именем христианской.

Учение неологов и опровержение оногo.

I. Для достижения этой цели неологи: **не допускают сверхъестественного откровения.**

а) Ибо, – говорят они, – в древние времена, по недостатку психологических сведений, все необыкновенные перемены в душе человека производимы были из влияния существ высших.

Ответ 1. Это недоказанное предположение могло бы иметь некоторое приложение к священным писателям, если бы они требовали себе веры без доказательств; но они, говоря о необыкновенном своем отношении к Духу Божию, приводили в доказательство сего такие дела, кои неопровержимо свидетельствовали о необыкновенном присутствии в них силы Божией. Ужели и чудеса производимы были потому, что они не знали новейшей психологии?

Ответ 2. Священные писатели умели отличать и отличали в деле религии произведения собственного ума от внушений Духа Божия (1Кор.7:10–12, 2Кор.11:17), и сами предостерегали от таких людей, которые выдают за откровение произволы собственного ума и сердца (Иер.23:25–40, 27:16–18).

б) В священных книгах, – говорят неологи, – нет ничего такого, чего бы нельзя было изъяснить из естественных способностей и сведений их писателей.

Но если бы и действительно можно было все изъяснять таким образом, и тогда никто не имел бы права посягать на то. Ибо сами священные писатели многократно и решительно утверждают, что они не сами изобрели свое учение, а получили оно от Бога, через непосредственное откровение (например, 2Пет. 1:21), так, что иногда они сами не вполне понимали то, что должны были говорить по внушению Духа Божия, для будущих поколений (например, Дан. 12:6–9, Иер.23:20). Сверх того, невозможно всего учения, содержащегося в священных книгах, изъяснить из естественных способностей и сведений их писателей. Ибо сии писатели были люди простые и неученые: следовательно, не могли изобрести никакого высокого учения, какое видим в священных книгах.

в) Вдохновение, – говорят неологи, – несовместно с нравственной

самостоятельностью существа разумного.

Ответ 1. Происхождение в душе понятий от впечатления чувственных предметов не уничтожает нравственной самостоятельности человека, тем менее оно может быть уничтожаемо от действия на душу человека силы духовной.

Ответ 2. Ежедневный опыт научает, что течение мыслей в уме нашем не всегда бывает произвольно, и что часто без нашего желания, даже против воли, приходят мысли, посредством коих открываются иногда высокие истины. Кто верит в провидение, тот не будет отвергать, что произвольное течение их подчинено законам, состоящим в распоряжении Промысла, а потому не может сомневаться в совместности вдохновения со свободой человека.

г) Если откровение необходимо для блага рода человеческого, то непонятно, – говоря» неологи, – почему Промысл не сообщил его всем людям.

Ответ 1. Первоначально откровение сообщено было, в лице Адама и Ноя, всем людям. История религии показывает, что народы, происшедшие от семейства Ноева по столпотворении Вавилонском, сами постепенно искажали и теряли правильные понятия о нем, предаваясь вымыслам и страстям. Христианская религия также предназначена для всего рода человеческого (Мк.16:15), и через апостолов возведена была всему тогда известному миру (Рим. 10:18).

Ответ 2. Приложение спасительных истин христианской религии к народам, остающимся в неведении о ней, нельзя ограничивать краткими пределами сей жизни, потому что само Священное Писание представляет пример противного (1Пет. 3:19–20).

Ответ 3. Таковое же возражение должен решить и неолог. По его мнению, для познания и исполнения нравственных обязанностей потребен ум, образованный философией. Итак, непонятно, почему Промысл оставлял и оставляет столько народов без философии? Подобным образом неолог должен отвечать и на то, почему естественная религия не всем народам известна в чистом ее виде?

д) Получивший откровение, – говорят еще неологи, – не может иметь разумной уверенности в том, что ему сообщено Божественное откровение; для сего потребно новое откровение и так далее.

Но самый образ и содержание откровения могут уже заключать в себе многие решительные признаки его непосредственного происхождения от Бога. Если же к этим признакам присоединится еще внешнее свидетельство, состоящее в каких-либо чудесных явлениях; то

Божественность откровения превышает всякое сомнение.

II. Неологи отвергают таинства.

Ибо, говорят, таинства противны цели откровения, которая состоит в научении людей.

Ответ. Таинства не только не противны этой цели, но еще более других предметов поучительны, потому что они содержат в себе высочайшие истины. Таинственность их состоит не в том, чтобы мы не имели никакого представления о вещи, в которую верим, но в том, что не понимаем внутренней возможности представляемого.

б) Нельзя, – говорят неологи, – иметь разумного убеждения в истине таинств, ибо рассудок не может видеть их согласие с законами ума.

Ответ. К убеждению себя в истине чего-нибудь два пути: путь размышления (философии) и путь свидетельства других (истории). К убеждению в истине таинств мы доходим последним путем, который столько же согласен с разумом, как и первый.

в) Таинства, – говорят неологи, – если и возможны, то бесполезны.

Ответ. Напротив: во-первых, в теоретическом отношении они дополняют недостатки естественной религии и воскрешают разум; во-вторых, в практическом отношении служат основанием самых утешительных и назидательных истин, укрепляя волю в творении добра; в-третьих, вообще они возвышают дух человека, возносят его выше тесного круга ограниченного бытия и приближают к беспредельному.

III. Чудес неологи не допускают.

а) Потому, как они говорят, что чудеса превращают законы природы.

Ответ 1. Чудеса не предполагают совершенного превращения законов природы, но только произведение таких явлений, которые не могут быть изъясняемы этими законами.

Ответ 2. Если и человек, по своей свободе, может производить некоторые перемены в обыкновенном течении вещей, не нарушая их коренных законов; тем паче это возможно для Творца вселенной.

Ответ 3. Законы природы суть самые лучшие для достижения обыкновенных, всеобщих целей, но этим еще не исключаются чудеса, как средства к достижению целей высших.

Нравственное царство, как царство свободы, не могло быть заключено в необходимых законах царства природы. Если отношение разумных тварей к Творцу своему основано на свободе, то и отношение Творца к ним не может быть подчинено непременно физическим законам естественной необходимости.

б) Для того, чтобы признать какое-нибудь явление за чудо, – говорят

неологи, – то есть за непосредственное выражение творческого могущества, надлежит быть уверенным, что в неизмеримом ряду естественных причин нет такой, которая могла бы произвести подобное явление, а для сего потребно знать весь состав мира, что невозможно.

Ответ 1. Требование несправедливое! Для сей цели довольно знать, что та причина, которая произвела чудесное явление, не такова, чтобы могла произвести оное; например, воскрешение мертвого одним словом, и что все известные нам причины также не способны произвести оное.

Ответ 2. Предположение, что в этом случае воздействовала какая-либо неизвестная причина естественная, неосновательно, ибо, во-первых, в сем случае неизвестное будет изъясняемо также неизвестным; во-вторых, рождается неразрешимый вопрос: почему неизвестная причина явилась для произведения чуда именно тогда, когда хотел чудотворец, и в том виде, в каком ему угодно? И, в-третьих, допускается клевета на провидение, будто бы оно дозволяет некоторым естественным причинам действовать совершенно вопреки нравственным целям.

в) Вера в чудеса, – говорят еще неологи, – основывается на свидетельстве людей; но люди не могут свидетельствовать о сверхъестественности какого-либо события потому, что сверхъестественное не подлежит опыту, на коем основывается всякое свидетельство.

Но при каждом чуде подлежат рассмотрению две вещи: во-первых, действительно ли случилось то происшествие, которое выдается за чудо, и, во-вторых, действительно ли это происшествие есть чудо, которого основание находится вне видимого мира? В первом случае мы убеждаемся свидетельством других людей, но в последнем должно убеждать нас собственное размышление о свойстве самого происшествия и об отношении его к законам природы.

г) Большая часть чудес, описываемых в Новом Завете, суть не более, – говорят неологи, – как странные случаи (чудесность), которые почтены чудесами по недостатку просвещения.

Но, во-первых, сие предположение страннее предполагаемых странностей. Известно, что такое необыкновенное стечение обстоятельств, какое могло быть почтено за чудо, бывает весьма редко: каким же чудом таковое стечение почти непрестанно повторялось в короткое время служения Иисуса Христа на земле? Кто заставил природу отверсть в это время все источники чудесного?

Во-вторых, если бы это было делом одного случая, то действующие лица никак не могли бы обещать чудес с такой уверенностью, с какой они

обещали.

В-третьих, известная правота их характера требовала, чтобы они вывели из заблуждения тех, которые действия их почитали чудесами.

В-четвертых, вера, которой постоянно требовали Иисус Христос и Его апостолы, и без которой они не могли совершать чудес (Мк.6:5), показывает, что чудеса были действия психологические, – говорят неологи.

Ответ. Правда, что вера была необходимым условием совершения чудес, хотя они совершались и силой Божией; ибо сия сила производила их для нравственного усовершенствования людей, – а таковая цель не могла быть достигаема без веры с их стороны. Впрочем, многие чудеса совершены были без веры в тех подлежащих, над коими они совершались; например, смоковница не могла иметь веры, однако ж иссохла; буря также не могла иметь веры, однако ж чудодейственно не раз утихала, и прочее.

е) Если Иисус Христос и апостолы творили действительные чудеса, то непонятно, – говорят неологи, – почему им не верила большая часть Иудеев.

Но если не творили, то еще непонятнее, как им поверила большая часть рода человеческого. Как сами они могли столь сильно убедиться в Божественности преподаваемой ими религии, что все почти претерпели за нее мучительную смерть? Разум, ослепленный страстями, всегда найдет причину усомниться в истине чудес. Что чудеснее видимого мира? Однако ж атеист не верит в Бога.

ж) Все народы, находящиеся в грубом состоянии, рассказывают о чудесах и пророчествах, – говорят неологи.

Но подложные чудеса не только не опровергают действительных, то еще необходимо предполагают существование оных, подобно тому, как существование поддельной монеты необходимо предполагает существование подлинной.

Касательно усовершенности христианской религии. Усовершенность христианской религии может быть или подлежательная или поддежательная.

Поддежательная усовершенность религии состоит в том, что исповедующие оную стараются более и более приобретать о ней познаний, постигнуть идеал совершенства, в ней содержащийся.

Преддежательно усовершенной религия бывает, когда сумма истин, ее составляющих, может быть или увеличена, или одни истины заменены другими или переименованы. В первом отношении усовершенности христианской религии никто не отвергает. Неологи почитают ее

усовершенствованной и в последнем знаменовании, по следующим причинам:

1. Нельзя думать, – говорят они, – чтобы род человеческий во время появления христианства стоял на такой степени раскрытия умственных и нравственных сил, что ему могла быть сообщена совершеннейшая религия, к какой только человек несколько способен на земле.

а) Но род человеческий действительно стоял тогда на высокой степени развития душевных сил. Греки и римляне показали такие опыты своей умственной деятельности, коим удивляются и подражают даже и в новейшие времена.

б) Человек в юных летах может узнать все главные задачи какой-либо науки и главный способ разрешения их, чтобы обнять весь круг науки.

в) Премудрость Божия могла дать такую религию, которая, удовлетворяя потребностям людей, стоящих на низшей степени образования, в то же время была способна удовлетворять потребностям людей высшего образования.

г) Религия не должна заключать в себе сложности всех познаний о Боге; она должна содержать только сущность этих познаний; но сия сущность всегда одна и та же.

2) Самое свойство христианской религии показывает, что она усовершенствована, – говорят неологи, – ибо, во-первых, в ней есть различные образы представления вещей: высшие (чисторазумные) и низшие (символические), а во-вторых, некоторые предметы недостаточно освещены, например, будущая жизнь.

а) Но часто неологи почитают низшими символическими образами простые человеческие представления, и часто составляют высшие предметы, не постигаемые умом, но созерцаемые верой, например таинство искупления. В учении истинной Церкви сии образы представляются в совершенном согласии со всей экономией спасения;

б) что же касается темноты, в которой представляется будущая жизнь; то существенные вопросы оной, коих решение необходимо для спокойствия рода человеческого, разрешены в христианской религии весьма достаточно, а неполное освещение сего предмета нужно для того, дабы добродетель человека имела более чистоты и бескорыстия.

3. Патриархальная и Моисеева религии с продолжением времени усовершенствованы, почему же, – говорят неологи, – не думать, что и христианская религия со временем должна быть усовершенствована?

Ответ. Пример таких религий доказывает только то, что религия откровенная может быть усовершенствима, если то угодно ее Виновнику. Но из сего еще не следует, чтобы она всегда была таковой. Усовершенствованность

патриархальной и Моисеевой религий предсказана в самом ветхозаветном откровении (например, Агг.2:7–9, сн.: Евр.12:2–27).

Напротив, религия новозаветная должна быть неизменяема (Евр.12:27–28), так что всякое изменение ее влечет за собой проклятие, по слову апостола (Гал.1:8–9).

Касательно теории приспособления. Приспособление может касаться или формы или материи. Первого рода приспособление господствует во всем Священном Писании, ибо оно писано в форме простой и удобопонятной для всех и каждого. Приспособление по материи может быть или отрицательное, – когда некоторые истины умалчиваются, и положительное, когда преподаются или одобряются заблуждения. Отрицательное приспособление не чуждо священным писателям (Ин. 16:12, 1Кор. 12:22, Гал.3:15). Неологи приписывают им приспособление и положительное, умствуя так: если допустить, что апостолы и Сам Иисус Христос не употребляли приспособления положительного, то надобно согласиться, что они имели те же предрассудки, которые господствовали между тогдашними Иудеями. Например, о явлении Ангелов, о действии злых духов и прочем.

Ответ. Надлежит еще доказать, что мнения, почитаемые от неологов предрассудками, суть действительно предрассудки. Но сего никто из неологов и доказать не может. В этом случае все причины их заключаются в одной, что разум не понимает внутренней возможности какого-либо учения, например о явлении Ангелов, о действии злых духов и тому подобном. Но по сему правилу можно обратить в предрассудок, например и связь души с телом, отношение мира к Богу и тому подобное; в учении об этих предметах разум также не понимает внутренней возможности одного.

Теория приспособления кроме того, что не имеет прочного основания, негодна и потому, что, во-первых, предполагаемое приспособление совершенно недостойно священников писателей, как посланников Божиих, которые многократно и торжественно уверяли, что они говорят одну истину (Ин. 18:37, 8:46).

Во-вторых, совершенно ненужно. Проповедью о Кресте потрясаемы были все предрассудки, даже весь образ мыслей о религии, как Иудея, так и язычника. Успев в этом труднейшем деле, священные писатели не имели уже нужды щадить другие какие-либо предрассудки в людях, тем паче, что последние слушали их, как Самого Бога. Если где, по видимому, нужно было приспособление, то в преподавании нравственных правил, ибо сердце всегда упорнее ума: однако ж самые рационалисты признаются,

что нравственность, излагаемая в Новом Завете, весьма чиста и строга для чувственности.

В-третьих, теория приспособления ведет к искажению и уничтожению христианства. На основании теории приспособления каждый может принимать или отвергать в Священном Писании то, что ему угодно; как это и случилось с неологами, которые посягают на отвержение самых основных истин христианства, каковы, например, Божественность Иисуса Христа, личность Святого Духа, падение человека, распространение первородного греха, искупление и прочее.

Взгляд на греческую философию

Златая цепь умственных произведений, из коих каждое носит на себе печать особенного действия какой-либо способности душевной, а все вместе открывают ясные следы гения, некогда неутомимого в трудах, всегда нового в изобретениях, часто изумляющего самыми заблуждениями, – вот любопытная сторона в обозрении греческой философии!

Сколько же пользы от сего обозрения! Философия совершила у греков круг свой под непрерывным влиянием законов, коим вечный ум подчинил раскрытие конечных умов. Новая философия совершает круг свой под влиянием тех же самых законов. Познание сих законов есть единственное средство к тому, чтобы точнее сообразоваться с ними. Но законы сии, будучи ясны сами в себе, всегда бывают прикрыты некоторым мраком во время своего действия. Причина того – ограниченность ума человеческого, для которого трудно, почти невозможно в одно и то же время действовать и замечать законы своего действия. Итак, самая необходимость понуждает нас учиться познанию оных законов с опыта предшественников наших. В сем отношении рассмотрение хода греческой философии может послужить предварительным объяснением хода новой философии и, так сказать, вступлением в последнюю.

Греческая философия, взошедши на известную степень совершенства, начала обратный путь, унизилась, пала. Таковое превращение ее не есть дело случая, есть горький плод причин, производящих гибельные следствия. Совершенно ли безопасна от влияния сих причин новая философия? Обозрение их не служит ли лучшим предостережением от них? Или необходимость возвышений и падений, оковывающая природу видимую, простирается и на произведения невидимые? Но и в этом случае предосторожность не излишня: она может, по крайней мере, отдалить роковую минуту. Уже ли и сие невозможно?.. Поспешим идти по следам греческой философии; может быть мы из самого хода ее увидим, что плачевный конец, постигший ее, был следствием произвольных ее уклонений от прямого пути, и что путь сей сам в себе нигде не преграждается для человека.

Философия, прежде нежели явилась у греков в собственном своем виде, долго носила одежду баснословия, принесенную ею от варваров. Несмотря на пленительную пестроту такой одежды, под ней скрывался безобразный скелет, из разнородных костей составленный, сгнивший от

веков и не поддерживаемый слепой верой в предания. Впрочем, греки долго не осмеливались прикоснуться к сей одежде, почитая ее произведением богов. Умственное состояние сего народа было почти детское. Дети боятся мрака: а что мрачнее преданий? Посему соображение их, не углубляясь во внутренность преданий, летало на их поверхности, непрестанно сыпало цветы, довольствуясь обонянием их и не заботясь об утолении внутреннего глада.

Философия воображения, без сомнения, не есть истинная философия. Впрочем, она имеет свои совершенства. Круг воображения обширен, хотя не определен: оно не может углубляться в предметы, зато свободно может возноситься над ними. Особенно баснословие греков имеет в себе много замечательного. Воображение их, управляемое вкусом к изящному, которым столь щедро одарила их природа, решило, свойственным себе образом, почти те же самые вопросы, над коими впоследствии трудились высшие способности. Не имея собственных начал, оно употребляло вместо их внутренние предчувствия. Вождь ненадежный в дальнейшем поступлении к раскрытию познанных истин, но часто верный в первоначальном покушении к изысканию еще недошедших. Ибо хранилище сих предчувствий есть сердце, а сердце вообще более сохранило в себе чувствований о своем назначении, нежели разум – понятий о превосходстве сего назначения. Сколько же важны должны быть те минуты в ходе раскрытия умственных сил в каком-либо народе, в которые видимо открывается сила таковых предчувствий!

Детями бывают недолго: воображение греков, ставшее с Пинда на Парнас, с Геликона к Стиксу, утомилось и, с намерением или случайно, опустилось в шумный круг политических дел. Сойдя с Олимпа, философия воссела, как бы для отдохновения, на законодательском месте и, занимаясь доселе собственным увеселением, начала пещись о благе народном, как бы для того, дабы оставить по себе в умах выгодное мнение, тогда, когда внутренний голос гения паки воззовет ее к выпрежнему ее занятиям. Гений ее изливал целебные капли нравственных изречений, которые служили превосходным врачевством для язв душевных. Обращаясь в круге общежития, он, с одной стороны, отвык от бесполезных парений, с другой – привык к внимательности, которой в этом круге требовала собственная польза, успел рассмотреть человека в его общем виде, заметить его нужды, желания и надежды. Варвары не видали таковой перемены в своей философии: они сохранили ее пиитическую одежду и лишились счастья созерцать самое существо ее. Может быть и греческая философия... Не будем затмевать мрачными догадками ясного ее рассвета: поспешим

лучше встретить самое светило ее, явившееся под ясным небом Ионии.

Уже опытная мудрость семи мудрецов не могла удовлетворять непрестанно возрастающему стремлению к познанию природы, и благородный круг самомышления, казалось, сам собою разверзлся пред очами любителей мудрости, но они, по странному против себя предубеждению, почитая себя недостойными вступить в оный, старались искупить на сие у других народов, не принадлежащее им, право – изучением их таинств. Что может быть разительнее того зрелища, когда сии истые чада Минервы оставляют свое отечество, странствуют иногда в виде купцов, дабы собрать расточенные по разным народам сокровища своей мнимой матери? – В сие время гений греков был как бы в состоянии корыстолюбцев, которые, не примечая сокровищ пред глазами, ищут их в землях чуждых. Требовалось только одного основательного ума, и греки могли найти у себя в лучшем виде то, чего тщетно искали у других народов.

Является Фалес и полагает первый камень во главу греческой философии. Хотя камень сей, быв положен, так сказать, трепещущей рукой, и сам был довольно зыбок, впрочем, к нему постоянно были прилагаемы подобные ему камни, так что вскоре составилось довольно правильное здание стихийной философии. Будучи обширно по окружности, здание сие было очень тесно по внутренней вместимости. Вместимость сия измерялась нитью однородного коренного вещества, которая держала рассудок в круге материальных причин. Таковая неудобность прозорливо усмотрена и счастливо отвержена Анаксагором. Открытый им во вселенной порядок возбуждал созерцателей ее к лучшему порядку в умствованиях, а вечный ум, поставленный им в первоначальную вину всякого движения, показывал необходимость для уразумения существа вещей восходить от видимого к невидимому, от вещественных к действующим и конечным причинам.

Руководствуясь чувствами в физическом направлении у ионийцев, философия не могла сделать важных успехов, впрочем, на поле чувств она собрала великий запас для понятий рассудка. Природа, кажется сама, руководила еще неопытных наблюдателей своих в исследовании своих тайн. Естественно, что они начинали с самых ближайших к их чувствам вещей, а она уклонялась от них, по мере того, как они следовали за нею; и таким образом природа заманивала их во внутренность своего святилища.

Между тем как философия подвизалась с толикими успехами на поприще физических исследований, гений ее нашел к проявлению сил своих новый орган в Пифагоре. Он вдохнул в него желание присоединить к

умственным созерцаниям попечение о истинной деятельности, чем, с одной стороны, пополнен круг философии, бывший доселе как бы половинным, с другой – на-знаменован некоторым образом самый источник, который долго еще оставался нерасчищенным, но впоследствии долженствовал пролиять обильные струи истинного ведения. Идя наряду с продолжавшейся еще философией ионийской, философия Пифагорова отделялась от нее строгими своими обрядами и численной одеждой, но в существе своем обе философии имели довольно сходных качеств. Вообще можно сказать, что утонченный, и почти восторженный математикой, ум Пифагора обнимал в отвлечении, и следовательно в единице, то, что менее гибкие умы ионийцев представляли себе в нераздельности и, следовательно, во множественности. Во всей философии Пифагора видно некоторое борение гения с состоянием предмета, над которым он трудился; посему философию его можно сравнить с теми растениями, которые очень рано появляются на поверхности земной, оживляют надежду зрителя, но, будучи поражены хладом, увядают.

Когда ни строгие обряды и благовидная наружность, ни точность проверки математической, не могли защитить философию, первые от внешних, а последние от внутренних неприятелей, она, будучи теснима в круге опытности, сделала тем удобнейший шаг в пространную область ума. Сие новое направление, принятое философией в школе Элеатов, показывает, что человек довольно уже отличил в себе существо духовное от телесного, ясно уразумел превосходство первого перед последним и, как бы обрадованный своим достоинством, старался все подвести под свой образ существования. Впрочем Элейские мудрецы, богатые почти до излишества остроумием, скудны были умом. Посему, оставляя собственную область без точного исследования, устремлялись, со всеми силами умственного оружия, на противоположащую область опытности, и в разорении чуждых кровов старались забыть собственную бескровность.

Но раздраженный дух Эмпиризма, как бы в насмешку своему гонителю – идеализму, который казался уже торжествующим, вызвал из своего святилища себе защитников, и руками их воздвигнул из пылинок бесконечное множество миров и, что всего противнее идее, воцарил в них слепой случай. Таковая система была как бы случайной игрой гения философии, который при окончании первого поприща своего, хотел показать, что он столько уже приобрел силы и искусства, что в руках его ничтожные пылинки производят не только миры, но и самих богов.

Но за таковую игру, в которой столь грубо было обижено чувство нравственное, философия должна была пройти некоторые, довольно

строгие очищения. Явились люди, которые не только порицали ее в малоуспешное™ ее покушений, чего она с некоторой стороны и стоила, но и явно отвергали самую возможность успехов, требовали нагло, чтобы она сложила с себя, якобы несправедно ею присвоенное имя изыскательницы истины. Это были софисты. Нападения их были тем опаснее, что здание философии не имело прочного основания, посему легко могло поколебаться, и даже разрушиться. Впрочем бросаемые ими стрелы скоро встретили крепкий щит. Это был Сократ. Гений философии явился, в лице его, опытным старцем, который жезлом здравого смысла долженствовал укротить свирепое буйство юношей-софистов. Софистика есть тень истинной философии: она преследует, когда сия удаляется, и бежит, когда сия наступает. Посему-то одной иронии довольно было к рассеянию всех полчищ софистов.

Софисты были заклятыми врагами философии, но их ненависть обратилась ей во благо. Худые члены ее, произведенным от них потрясением, отторгнуты, а здоровые теснее соединились и начали единодушно действовать к ее защищению. Для сего надлежало низойти свободным размышлением до оснований, на которых утверждалась философия, рассмотреть их беспристрастно, и поскольку они были или непрочны, или темны, заменить новыми, более твердыми и ясными. Всеми этими услугами греческая философия обязана Сократу. Оставив тонкие умозрения, сей философ обратился к внушениям всегдашнего наставника своего – здравого смысла, и под его руководством возвратил колеблемым истинам твердость, а умам колеблющимся – успокоение. Неведение, с коего он начал цепь своих познаний, есть драгоценнейшее открытие в круге познаний, и служило открытой дверью в благородный круг самозмышления; но и после часто употребляемо было гениями, как древними, так и новыми, и употребление его всегда сопровождалось благодетельными следствиями или возвышения, или восстановления, или преобразования наук. Едва ли не оно послужит и к окончательному усовершенствованию наук. Но дабы познания человеческие, доселе раздробленные, могли сомкнуться в один круг, для сего потребно измерить с точностью сей самый круг, начиная от его центра, в котором должно стоять незнание.

Сократ вывел философию из распутий, по коим она блуждала, на прямой путь, и указал ей достойную ее цель: но не дал ей определенного вида. Это последнее зависело от свойства здравого смысла, коего он преподавал уроки. Для убеждения в истине их, он должен был, сообразуясь с законами смысла, отсылать слушателей своих к внушениям

внутреннего, нравственного чувства. Раскрытие сего чувства составляло средство, а деятельное исполнение чувствуемых истин – цель философии Сократовой. Средство ближайшее к сердцу человека, цель достойная сего сердца!

Но философия, удовлетворяя сердцу, должна наипаче удовлетворять уму. В философии Сократовой эти две обязанности казались разделенными; посему гений философии скоро оставил неопределенные пределы здравого смысла, и с новой силой устремился по новому поприщу. Движимый силой его, Платон проникает во внутреннее святилище духа человеческого, касается самого жертвенника, находит на нем свиток идей, начертанных перстом Предвечного, разверзает его и с изумлением созерцает в них порядок всей вселенной. Свет идей скоро разогнал мрак, покрывавший доселе важнейшие предметы исследования философского; открыты законы отношений мира духовного и физического и обоих к существу верховному; доселе бывшие сомнения или разрешены, или поставлены в ближайшем к разрешению состоянии; частные явления подведены под общие правила; исследовано начало и назначение души человеческой, показаны ее достоинства и средства, служащие к поддержанию сего достоинства; самый мрак гроба озарен лучами надежды; словом, все предметы любознания, доселе раздробляемые и в началах, и в изложении, и в цели, совокуплены в единое, гармоническое целое, в котором ясно выразилось действие высшей способности душевной – ума. Если Платон простер в некоторых случаях действие сей способности далее надлежащих пределов, если он многое предполагал, не доказав, и многое, доказав, не объяснил, наконец, если в его философии видны следы некоторой неразграниченности в предметах и неточности в выражениях, то все сии недостатки должно приписать разнокачественной участи его сочинений и участи самой философии, нежели его гению, который во всех отношениях заслуживает названия Божественного.

Нельзя, впрочем, не заметить преобладающего в его философии действия фантазии. Способность сия, гранича непосредственно с умом, и завися от него, всегда почти сопровождает его в действовании, и часто с большим вредом, нежели пользою. Она приближает порождаемые умом идеи к общему разумению, но удаляет самый ум от сего разумения, а удалив, часто, вместо его законов преподает свои вымыслы. Это воздухолетательный шар, на котором можно высоко вознестись, но можно и глубоко упасть, если он не будет управляем искусно. Искусство управлять таковым шаром, кажется, не приведено еще к совершенству ни в физике, ни в философии.

Несмотря на блистательные успехи философии в области ума, между сей областью и чувствами оставался еще промежуток, который для парящего в высоте гения Платонова мог казаться малой точкой, и даже совсем не быть приметным, но для тех, кои стояли внизу, естественно представлялся великим пространством, и даже таким, в котором, неизвестно почему, надлежало искать верха человеческих познаний, не простираясь далее в высоту. Так мыслил Аристотель. Убегая от нестерпимого для его сухого смысла света идей Платоновых, он вошел в работную храмину рассудка и, – обвиняя своего учителя в слепом обожании идей умственных, сам преклонил колена перед формами рассудка, признав их за самое существо вещей.

Таким образом, идеальное направление философии переменилось в формальное, следствием чего должно было быть стеснение круга философии, а паче трансцендентальной ее части. Впрочем, сии невыгоды долго отвращаемы были преимуществом нравственного характера в последователях Аристотеля, а польза, истекающая от сей перемены, открылась с самой переменной. Философия получила определенный вид, лучшее оружие к отражению своих противников, круг действия на прочие науки, и ближайшее право на соединение во всеобщее школьное употребление. Аристотель оказал важные услуги философии подробным исследованием области рассудка, от незнания законов которой происходили все почти доселе бывшие заблуждения философов. Для вернейшего успеха в этом деле ему надлежало, хотя на время, отказаться в доверии идеям своего учителя, тем паче, что им многое присвоено было от рассудка. Аристотель сделал сие, противопоставив совершенно рассудок уму, или лучше, смешав рассудок с умом; но в его пристрастных взорах скоро мнимая противоположность превратилась в действительную (сего требовали формы рассудка). Рассудок оправдан и провозглашен судьей всего того, что человеку можно знать, а ум, как самодельная способность, осужден на изгнание из круга философии, с исключительным, впрочем, правом неприкосновенности.

Область рассудка открыта для всех и отовсюду; но выход из нее весьма труден. Это такая область, которая имеет, или думает иметь, свет свой сама в себе; посему находящиеся в ней предполагают, что вне их области нет света. Верить бытию внешнего света, значило бы сомневаться во внутреннем. Многие ли отважатся на такое сомнение?

Впрочем, греческая философия счастливо ускользнула от форм рассудка, которые впоследствии соделаются вековыми цепями для мыслей, и поспешными шагами устремилась к своей цели, которая приближением

своим воспламенила ее ревность. Как бы предчувствуя приближающийся конец свой, философия вопрошала о конце человека, показуя этим, что круг истинной философии должен быть определяем кругом бытия человеческого, и что философия есть знание не столько природы для человека, сколько самого человека для человека. Нельзя не заметить при сем постепенную преемственность вопросов, коими занималась философия во все продолжение существования своего. Первые из них относились более к познанию, последующие наипаче наклонялись к деятельности, а в последних видно участие надежды.

Но философы, будучи не согласны в законах знания и деятельности, не могли согласиться и в надеждах. Одни, забыв ли собственное самолюбие, или снедаемые им, не устыдились низвести человека в круг бессловесных, пресекая для него все надежды в будущем. Другие возвысили эти надежды до забвения настоящего положения человека. Иные, не видя успеха прочих, решились, смежив взоры для всех целей, спокойно ожидать всего того, что может случиться. Иные, наконец, вздумали держаться середины, не поступая вперед и не отступая назад, и быть равнодушными зрителями всех перемен.

В этих последних покушениях философии видна опытная мудрость, которая предпочитает постоянное сияние благоразумия минутному блеску остроумия, которая предпочитает знать малое, но основательно, нежели многое, но смешанно, и которая учит познавать для того, чтобы исполнять познанное самым делом. Но вместе приметно и изнеможение гения, который казался доселе неослабным. Дар изобретательности приметно истощался, и заменяем был богатым запасом предшественников. Но вскоре открылся недостаток и в прочих дарах гения. Богатые запасы были бедны надлежащим расположением, насильственное сочетание мнений различных философов, порождая чудовищные системы, с одной стороны отнимало цену у этих самых мнений, а с другой возбуждало врагов против философии. Защитники ее, будучи слабы сами в себе, имели несчастье сами отдалить от себя все способы к отражению. Таким образом, скептицизм новой Академии, который по свойству своему мог служить поводом к лучшей философии, послужил конечным ее пределом. Видя изнеможение своих противников и зная, что с ним неразрывно его падение, тщетно скептицизм сей, в лице представителей своих, умерял свои возражения, вступал во многие условия, как бы желая продлить существование своих врагов, а с ним и собственное бытие; роковая минута приближалась, и он, превратившись почти в друга гонимой им философии, пал вместе с ней.

Во свет философии несется свет огня персидских магов, и не может быть угашен небрежностью одного, и даже многих, хранителей. Жертвенник философии был оставлен ее любителями, ветры политических перемен веяли на него со всех сторон, но священный огонь еще не угасал; наконец, слившись в одно пламя, подобно метеору, устремился из страны несчастной, носился над различными народами, производил появлением своим в иных удивление, в других ужас, вспыхивал и паки скрывался от нечистых взоров, наконец остановился в туманной атмосфере Александрийской.

Греки, которые потеряли философию, обрадованные вестью о появлении светила ее в чуждой стране, поспешно текли для сретения его. Но, не надеясь на постоянное сияние сего светила в стране, подверженной игу деспотизма, они думали привести себя в состояние не иметь в нем нужды, собрав раздробленные лучи его в вымышленное для сего стекло синкретизма. В самом деле, сосредоточенный свет был сильнее порознь взятых лучей, но он способен был только сжигать, а не освещать. С заходом светила исчез и собранный свет, и в руках собирателей осталось одно стекло.

Так Египет, служивший для греческой философии колыбелью, доставил ей и гроб. Гроб ее, подобно как и колыбель, украшен был цветами. Но скоро и сия вечерняя звезда скрылась в стране ночи, и настала глубокая тишина, изредка прерываемая диким криком ночных птиц. Впрочем, тишина эта не была совершенным бездействием; природа в недрах своих уготовляла новые орудия для философии, по совершении коих гений ее возбудился и, подобно исполину, устремился в путь свой.

Насаждение и успехи христианства в Древнем Херсоне

Около 63 года святой апостол Андрей из западного Подкавказья является в Херсонисе, с проповедью Евангелия.

В 94 году Климент папа, по повелению Траяна, ссылается на «заточение в Понт, на место пусто близ Херсона». Его сопровождают в изгнание добровольно многие из благоверных христиан римских. В месте своего заточения он находит более двух тысяч христиан, осужденных на тесание камня в горах.

По молитве святого, Агнец указывает место, где открыть источник с водой, которую прежде того узники приносили для себя за шесть поприщ.

Вследствие сего чуда, в единое лето толико «умножися верных, яко 75 церквей быша созданы, и вся страна та прия святую веру».

В 100 году весть о необыкновенных успехах Климента в Херсонской стране заставила императора воздвигнуть там гонение на христиан, причем множество христиан приняло венец мученический, а святой папа был утоплен в море, так что верующие не имели утешения – получить мощи его.

Во II и III веках нет сведений о состоянии христианства в Херсоне и Крыму. Невероятно, чтобы оно было истреблено все, тем паче, если продолжалась ссылка в Крым христиан из Рима.

В 310 году, в царствование Диоклитиана, от Иерусалимского патриарха Ермона прибыли в Тавроскифию два миссионера-епископа: Василий и Ефрем.

Святой Ефрем, оставив Херсон Василию, отходит на проповедь к скифам у Дуная, и там приемлет от них мученический венец, 7 марта.

Святой Василий, подвизаясь в Херсоне за веру и Евангелие, подвергается биению и изгнанию, отходит в гору и пещеру, яко на сто стадий от Херсона, в место, нарицаемое Парфенит, или гору девичью, потому что на горе той стояло капище еллинской богини – девы. Воскрешением из мертвых погребенного уже сына одного из князей (начальников) херсонских, обращает его, и вместе с ним многих ко Христу, но, по наущению Иудеев, язычники восстают на него и предают смерти «на месте, идеже христиане» (прежние) «поставиша столп, и на нем крест». Это случилось 7 марта. Чудеса над его телом и погребение (тайное) христианами.

На место проповедников-мучеников, являются три епископа: Евгений, Елпидий и Агафодор, кои, будучи также отправлены от патриарха

Иерусалимского на проповедь Евангелия, подвизались дотоле в странах гелеспонтских. Через год апостольского труда и успехов, они, также 7 марта, приемлют венец мученический от язычников и иудеев, и чудесно сохраненные тела их погребаются с честью верующими.

Новый епископ Еферий, посланный также от Иерусалимского патриарха, сначала не находит возможности делать свое дело, но потом, будучи снабжен грамотой императора Константина к херсонцам о невозбранном у них исповедании Христа, собирает там христиан, устроит Церковь, и на пути в Византию к императору, для изъявления благодарности, оканчивает жизнь на острове Аасе, где и погребается с честью от тамошних христиан.

Херсонцы – христиане уже сами просят у Константина и получают епископа Капитона.

Для убеждения язычников он, по их желанию, входит в печь огненную с Евангелием и исходит невредим. Донесение о сем читается отцами на Вселенском соборе Никейском.

Кончина святого епископа от варваров при устье Днепра, куда он занесен был бурей, на пути в Константинополь, 21 декабря.

Отселе Херсонская епархия непрерывно продолжается до позднейших времен. Из епископов известны:

381 год – Еферий II, присутствовавший на II Вселенском соборе, где он подписался вместо Херсонского – Терсонским.

451 год – Халкидонский собор 28-м правилом все епархии в пределах варваров подчинил Константинопольскому патриарху, следовательно и Херсонскую, хотя епископы ее носили титул самоглавных.

448 год – Лонгин, коего имя два раза читается под актами местного собора Константинопольского.

Стефан, заседавший на V Вселенском соборе Константинопольском – в 535 году,

655 год – Мартин папа, заточенный в Херсон, страждет там и от грубости жителей и от недостатка продовольствия, пишет о сем два послания в Константинополь, в том же году скончался и погребен в церкви Богородицы Влахернской, близ Херсона.

Георгий I, подписавшийся под актами собора Трульского епископом Херсона Дорантского, или страны Дорантской.

Георгий II, управлявший Херсонской Церковью, когда Кирилл и Мефодий, путешествовавшие с проповедью к хозарам, обрели в Херсонесе мощи святого Климента (около 861 года).

Кирилл и Мефодий в Херсоне учатся (по святому Димитрию)

хозарскому и еврейскому языкам, обращают какого-то самарянина с сыном его в христианство; возбуждают к обретению мощей святого Климента и, по обретении, берут часть их с собою.

Из Херсона к хозарам идут с ними и священники, коих они оставляют у хозар, по обращении их в христианство.

Мощи святого Климента – положены в церкви Апостольской.

Кто был епископом Херсона, во время Крещения в нем святого Владимира, – неизвестно; но, без сомнения, был кто-либо.

Херсонская епархия считалась в ряду подведомственных Константинопольскому патриарху то пятьдесят восьмой, то двадцать пятой, то шестнадцатой.

Около X века епископы Херсонские получили титул архиепископов.

Ряд епископов прекратился, вероятно, с разорением Херсона от Гедимиана.

В XVIII веке последний митрополит Крымский именовался Кефайским и Готфейским. Имя Херсона уже не было слышно в титулах иерархических, как давно упразднившееся.

Пространство Херсонской епархии долго заключало в себе весь Крым; но потом, с учреждением других епархий в Крыму, ограничивалось его окрестностями, соединись иногда с титулом епископа Дорантского, и таким образом объемля все южное побережье Крыма – до Судака, или Сурожа.

В состав этой епархии входили преимущественно греки, а с ними и древние туземные жители, между коими были и славяне.

Взгляд на дипломатические сношения наши с двором Римским по делам Церкви Римской

Сношения наши с двором Римским представляют весьма странное и едва ли не единственное в истории пап и нашей явление: они начались и развивались вследствие наших успехов и побед; а между тем мы же в них постоянно оставались побежденными, так что можно сказать, что теряла Польша против нас, то выигрывал за нее и брал назад с лихвою Рим. Как это случилось, можно видеть из следующих исторических справок и пояснений.

До 1773 года, хотя были у нас по местам латинские костелы, но они не составляли собой никакой самостоятельной иерархии, и ксендзов получали из-за границы, большей частью из Польши. Эти получения и некоторая зависимость их от иноземной иерархии казались, по самому числу их, так неважны, что на них не обращали особенного внимания. С возвращением Белоруссии под скипетр России, взгляд на этот предмет изменился. Латинские костелы в Белоруссии не имели своего епископа и принадлежали по частям к разным смежным епархиям Римско-католическим: Виленской, Луцкой и прочим. Поскольку последние оставались под владычеством Польши, то сочтено за опасное для Государства, чтобы Белоруссия подлежала зависимости епископов, находящихся вне Империи. Решились просить папу об учреждении нового для Белоруссии и всей России архиепископства в Могилеве. При всей благовидности поступка, в сем случае сделаны две важные ошибки.

а) Самое учреждение нового епископства. Если бы Белоруссии суждено было надолго оставаться одной под скипетром России, то, естественно, правительству надлежало заботиться об освобождении ее из-под ведомства иноземной иерархии с учреждением своей. Но и десятилетний дипломатик мог легко предвидеть, что это положение временное, что вслед за Белоруссией примкнут к России прочие области русские, еще остававшиеся под Польшей, а вместе с ними войдут под Русскую державу и латинские епископы, в них находящиеся, от коих зависели белорусские костелы. При таком положении, зачем было хлопотать об учреждении нового архиепископства? Почему было не обождать несколько лет? Тогда оставалось бы все, как было прежде, то есть, костелы белорусские под прежними своими епископами, без увеличения числа их. Пусть бы даже (уж если не могли пробыть без собственной иерархии латинской) учредили епископа, но только одного

просимого епископа, а не архиепископа с двумя викариями. Зачем было так вдруг возвышать латинство? Причины его заключались в самохвальстве и, можно сказать, в оппозиции нашей всей тогдашней Европе. Известно, что папа и католичество были тогда не в моде и всюду терпели неудачи, иезуиты были даже гонимы: и вот мы, чтобы показать свое великодушие и какой-то особенный ум, отворили настежь двери иезуитам, а вслед за тем поспешили выпросить себе архиепископа, отдав таким образом, пренебрежительно, под влияние Рима всю Белоруссию.

Не явно ли, что папа в сем случае отомстил нам за Польшу и взял, можно сказать, назад то, что мы у нее отобрали? Римская иерархия увеличилась целым архиепископством. То, что мы говорили выше, случилось по прошествии не более как пяти лет, то есть, прочие провинции русские возвратились от Польши к нам. Здесь был прекрасный случай исправить ошибку, а именно, при новом разграничении епископств латинских, опершись на то, что мы недавно учредили новое архиепископство, что незначительная часть паствы у латинских наших епископов отошла то к Австрии, то к Пруссии, мы, по праву, могли и должны были сократить число их, по крайней мере их суфраганов; а мы поступили напротив. Кроме того, что не закрыто ни одной епископской кафедры, учреждена еще вновь Минская.

Чем водились мы при сем случае? В булле о Минской, как и о других епархиях, все говорится, что нужен епископ с суфраганами для удобнейшего преподавания треб пастве. Но эта паства сравнительно с православными паствами в этой же стране составляет едва пятую часть. Если же такая заботливость о спасении душ, то почему же не приложена она по отношению к православным? Если о ком надлежало попечиться, то о них, кои столько страдали под Польшей, ожидали от возврата к России знаков внимания и любви; и между тем для них ничего в этом отношении не сделано. Православных епископов на всю страну западную устроено только три, и ни одному не дано ни одного викария.

Не явно ли после сего, что двор Римский и в сем случае отомстил нам за Польшу, и взял назад себе то, что мы возвратили от нее?

О присяге епископов католических папе

Присяга эта во многих отношениях составляет жалкий анахронизм. Она сформирована в то время, когда папство не покидало еще видов на всемирное политическое владычество, и частью вследствие сих самых видов, а еще больше по причине внутренних нестроений своих, подвергалось всякого рода опасностям не только от чужих, но и от своих. Все это в полной силе восчувствовано уже самими католическими дворами, тем паче протестантскими, и она у них, с согласия самого папы, переименована; а у нас доселе остается в своем стародавнем чудовищном виде.

Вся нелепость сей присяги откроется из следующих примечаний: не только 1) в отношении к власти самодержавной, но и 2) в отношении к самому папе, и 3) в отношении к дающим эту присягу.

I. В отношении к власти самодержавной

В этой присяге дающий ее присягает папе, как государю, стало быть у него два государя: Император Всероссийский и Папа Римский. Несущественная ли это контрадикция и в словах и в мыслях?.. И кто требует этой, с позволения сказать, бессмысленной уступки? Никто, кроме нашей собственной малограмотности. Выражение «государь наш», «государю нашему» – употребляется кардиналами и теми, кто принадлежит к так называемой Римской области, или Папским владениям. Естественно, что им иначе нельзя выразиться, ибо для них папа есть вместе и государь, по праву его светской власти над этой областью. Но подданным чужой державы это выражение вовсе неуместно, почему в присягах австрийской, французской, испанской, и прочих, несмотря на то, что это области католической веры, сие выражение и не употребляется. С какой же стати употреблять его нам?..

И почему употребляется оно у нас? Стыдно сказать, а должно: просто по одному незнанию языка латинского в канцелярии Министерства иностранных дел. Dominus, которое переведено у нас «государь», на латинском значит не более, как «господин, владыка». Весьма естественно, что подданные Папской области – большей частью кардиналы, проживающие в Риме – переводят его словом государь, ибо папа для них есть и владыка в духовном смысле, и вместе государь светский; но для прочих, не подвластных папе в светском отношении, он должен оставаться dominus в смысле церковном, то есть владыка духовный, что составляет величайшую разность. Скажут, что «духовные римско-католические

должны знать это, и в таком смысле приносить присягу». Положим, что хотя бы они и все это знали (что очень сомнительно, когда целое Министерство иностранных дел не знает этого), то все же остается повод важный к недоразумению. А сколько вместе с тем поводов к интриге, к защищению себя против правительства нелюбимого? И не долг ли благоразумного правительства снять с дороги этот камень преткновения?

2. По отношению к папе

Почти все выражения по отношению к папе направлены против возмущения или замыслов подданных против государя. Это уместно и, может быть, доселе нужно в папской области. Но какая нужда в сем для прочих государств, тем паче для России, в коей он считается главой Церкви у римских католиков, но отнюдь не государем? Прочие выражения служат даже унижением папского достоинства. Когда епископ римско-католический клянется, что он не покусится на жизнь папы, или на лишение его членов, то при сем невольно содрогается нравственное чувство даже простого человека. Подобная присяга не значит ли, что я не буду последним из извергов? И ее дает епископ! Достоин ли это епископа? Прилично ли самому папе принимать такую присягу от епископа, коль скоро он нашел его достойным епископства?

Все это есть произведение средних времен, когда, по повелению пап, отзывали кости умерших пап, предавали, их проклятию, бросали в помойные ямы, а живых пап отравляли, лишали членов, срамили и умерщвляли. По сему самому достоинство папской власти требует устранения этих странных и соблазнительных для чувства народного формул; поскольку это сделано уже в прочих государствах, тем более не возбраняется сделать у нас.

3. По отношению к дающим присягу

Дающий эту присягу находится в совершенном противоречии с самим собою, ибо такая же присяга дается им и своему природному государю. Какую из двух исполнять? Исполняя одну, он нарушит сим самым другую. Одно средство не нарушать ни одной – не исполнять обе. Поясним все это примером. Епископ узнал, что папа намерен что-либо сделать, например, издать какую-либо буллу, которая не в пользу России; он обязан, по присяге, дать знать о том своему правительству, следовательно, нарушить присягу папе. Он же проведал о каком-либо трактате со стороны России с какой-либо державой, который (трактат) вреден для папских владений; он должен дать знать о сем папе, следовательно, нарушить присягу, данную своему правительству. Такое противоречие происходит от того, что в присяге, даваемой папе, папа трактуется не так, как бы следовало. Он

должен трактоваться только как глава Церкви, коему епископы обязаны повиновением, а он трактуется, как государь светский, отношения к коему несовместимы с отношениями к своему собственному государю.

В иностранных присягах это понято и устранено, а в нашей – доселе та же запутанность, смешение понятий, и отсюда – противоречия и бессмыслица.

О новоучрежденной епархии римско-католической в Херсоне

Вследствие конвенции, заключенной с папой в 1847 году, учреждена, как известно, новая епархия римско-католическая, с наименованием Херсонская, и при ней (пока) два суфраганства с капитулом и семинарией. Без сомнения, правительство имело на это, со своей стороны, немаловажные причины и, во всяком случае, согласилось на учреждение новой для католиков епархии не для распространения в России католичества. Тем не менее, газетное известие об учреждении в Херсоне новой латинской епархии по всей России произвело (и не могло не произвести) впечатление неблагоприятное. Для чувства русского нелегко было видеть, как понятие о Риме и латинстве соединено будет отселе навсегда со священным для России именем Херсона, в коем произошло крещение святого Владимира и откуда на всю землю Русскую воссиял свет веры православной. Новым учреждением, конечно без намерения, но тем не менее, подан и с нашей стороны значительный повод к новому провозглашению той исторической лжи, которую римские католики издавна привыкли рассеивать по Европе в разных сочинениях, – доказывая, якобы Россия обращена в христианство первоначально римскими миссионерами, и что она была тогда в послушании у папы... Те, кто более других знаком с католичеством и положением римских католиков в России, кои уверены посему в очевидном излишке и существовавших доселе у нас епархий латинских, и твердо знают, как трудно самому правительству управляться с этой неугомонной иерархией, иначе не умели объяснить себе нового явления, как предположением каких-либо при сем особенных, дальнейших, сокровенных видов у правительства; поелику же нелегко было представить себе, что именно могло иметься у него в виду при употреблении средства столь небезопасного, как возвышение и расширение латинской иерархии, то невольно приходили к мысли, не сделана ли нашими дипломатами в сем случае, вместо дальновидного расчета политического, необдуманная и простодушная уступка Риму под влиянием каких-либо особенных обстоятельств, или непонятых, или не надлежащим образом оцененных? В самом деле, как можно было согласиться с известными видами правительства сотворить им же из ничего, *propter motu*, без всякой особенной нужды, вдруг трех епископов латинских, через что для латинской пропаганды открылся, не представлявшийся ей и во сне, способ взять отселе под опасное влияние

свое и весь юг России, как взять весь Запад?» Если, – рассуждали, – для весьма небольшого числа рассеянных по югу латинских костелов действительно необходим был ближайший иерархический надзор, то для сего предостаточно было прибавить к какой-либо римско-католической кафедре одного суфрагана, с помещением его, пожалуй, где либо и на юге». Все эти и подобные впечатления получали большую силу от новых событий и переворотов европейских, обрушившихся над Ватиканом с таким необычайным громом и молнией, что многие из самих католиков не могли не признать в сем случае карающего перста Божия. «Неужели, – рассуждали и рассуждают, – православной России предлежит, не во благо себе, поднимать на высоту, укреплять и расширять в недрах своих то, что Сам Промысл Божий видимо предопределяет к ослаблению, умалению, а может быть и уничтожению даже на Западе?..»

Особенно, как и ожидать надлежало, учреждением нового епископства латинского встревожено было чувство православных жителей Херсона и окрестных мест. До тех пор в этом городе существовал только один ксендз латинский, терявшийся в толпе и почти никому неизвестный; и вот вдруг, в середине прошедшего лета, является перед ними латинский бискуп со свитой собранных нарочно издалека ксендзов, представляет из себя лицо, нарочно посланное от правительства для каких-то важных, никому вполне не известных целей, учреждает и освящает тесный латинский костел в собор кафедральный, составляет из своего служения, в продолжение нескольких дней, всенародное зрелище, проповедует о милости Императора Всероссийского к католикам и вместе с тем – сообразно с буллою папскою – еще о большей милости какого-то Римского государя (о коем вовсе не знали многие и из католиков) к народу Российскому, с объявлением, что все это лишь одно начало, что, по отшествии его, придут уже не на время, а на постоянное жительство в Херсон не один, а два или три епископа латинских, с немалым числом каноников, с консисторией и семинарией, и что город их (Херсон), по милости наместника Христова, главы всего христианства, обращен будет отселе в столицу истинной веры (то есть римской) на юге. Можно представить себе и не будучи при этом случае в Херсоне, как должно было подействовать все это на православный народ!.. «Ужели нас хотят сделать католиками? – спрашивали одни. – Ибо надобно же, чтобы у трех новых епископов была хоть какая-либо паства, а среди нас нет ее для них!» – «Чем вводить у нас латинство, – рассуждали другие, – не лучше ли было бы, по примеру других губернских городов, дать православного епископа нам, кои живем среди всякой нехристи, и потому во всегдашней опасности

потерять чистоту веры?» – «Сколько сот тысяч казне, а вместе с тем сколько хлопот, затруднений, неудовольствий самому правительству будет стоить это новое, Бог знает откуда и для чего взятое учреждение латинского епископа с его викариями, канониками и семинарией», – примечали трети. Не без затруднений было положение при сем случае местного гражданского начальства, которое не знало, в какое отношение поставить себя к новопоявившемуся латинскому епископу, и тем менее находило средств отвечать удовлетворительно на толки и мнения народные, хотя видело крайнюю нужду говорить что-либо в успокоение встревоженного чувства религиозного. Даже евреи, коими наполнен теперь весь Херсон, не остались позади других в догадках о новом событии и, что примечательно, сходились в одном и том же заключении, что поляки берут верх, и ксендзам русским приходит невзгода... При таком всеобщем смущении мыслей, рассудительнейшие и более набожные из православных жителей Херсона приходили не раз к решимости просить высшую власть, чтобы, если уж неизбежно водворение между ними епископов латинских, то, по крайней мере, хотя бы для некоторого соответствия, дан был Херсону и епископ православный.

Но всего более смущены были новым учреждением раскольники, а вслед за ними и единоверцы, коих имеется значительное количество по разным местам Херсонской губернии, начиная с Одессы, Херсона, Николаева и Елизаветграда. В глазах этих, малолетних по духу, детей такое торжественное введение среди православного юга латинства упало до действия антихристианского, угрожающего бедствием не только вере православной, но и Отечеству, и потому видимо являлось следствием какого-либо гнева Божия.

Были ли рады новому учреждению, по крайней мере, сами католики? Утвердительно можно сказать, что не были – в той степени, как надлежало ожидать. Новый дар правительства был слишком велик и видимо не соразмерен с местной потребностью, почему невольно вынуждал у каждого размышляющего сомнение и подозрение насчет видов правительства и истинной цели его действий. Суфраган латинский с двумя канониками в виде благочинных был бы принят от сердца и с благодарностью; а вдруг три епископа, при осязательной ненужде и в одном, казались – и долго будут казаться – чем-то неестественным, так сказать, противоправительственным, и потому подозрительным. «Возможно ли, – рассуждали католики, – чтобы русские решились сделать без нужды для нас то, чего, при видимой нужде, никогда не делали и не делают для своих? Вероятно, хотят ввести в нашу иерархию, доселе чисто

польскую, новую стихию – немецкую, чтобы, раздвоив ее в составе, духе и видах, тем самым неприметно ее обезсилить. Но не москалям перехитрить иезуитов! При благоразумных действиях с нашей стороны из каждого нового епископа католического (а их, благодаря русской простоте, трое) можно будет сделать по новой крепости на юге против русского духа».

Все таковые и подобные впечатления, произведенные новым учреждением епархии латинской в Херсоне, очевидно говорят не в пользу нового учреждения, и могут быть искуплены только какой-либо весьма важной пользой, от него ожидаемой, которой, сказать правду, нелегко доискаться тому, кто не посвящен во все тайны политики.

Между тем невыгоды от нового учреждения лежат, можно сказать, перед глазами у каждого.

И, во-первых, уже весьма немаловажно то, что учреждением новой, ненужной по суду всех, даже римских католиков, епархии латинской в таком обширном составе и размере, какого (сравнительно) не имеет ни одна из наших православных епархий, несмотря на многочисленность их паств, дипломатия наша подверглась и еще будет подвергаться перед лицом всей России нареканию в уступчивости двору Римскому (простертой за необходимые пределы), и в какое притом время? Когда этот двор сам, вследствие своих вековых грехов и заблуждений, по неотразимому суду Божию видимо распадается на части и приближается к конечному запустению.

Во-вторых, кроме нарекания, в настоящем случае и не без потери, учреждение в России новой епархии Римской для двора папского есть то же, что завоевание новой области. Отселе новые для него права над значительной частью России, из коих он не замедлит извлечь для себя новые выгоды и новые поводы к спорам и жалобам в слух всего света на Россию. Пример на все это – Польша и Литва. Сколько затруднений всегда ставил и ставит до ныне римский двор при одном назначении епископов! Не вследствие ли подобного затруднения принесен в жертву Херсон?.. Между тем эта жертва такого рода, что сама, в свою очередь, будет требовать новых жертв при каждом назначении новых епископов.

В-третьих, есть опасение и другого рода, еще большее. Доселе свободный и непререкаемый для Православия юг России с новым учреждением неизбежно отдается под влияние римской пропаганды, которая, как тень за телом, всюду следует за латинством. В Херсоне, по крайне малому числу католиков, епископ со своими суфраганами самим положением своим, то есть от нечего делать, будет невольно располагаться к умножению всеми мерами своего духовного стада. Между тем, бороться

с пропагандой римской если какому краю неудобно, то нашему южному, частью по самой юности его и разносоставности в населении, частью по влиянию смежных, наполненных поляками губерний, частью по его географическому положению, открытому, вследствие торговли и морских портов, для всего западного, особенно итальянского, частью, наконец, по недавности учреждения там православных кафедр и крайне ограниченным их способам к действию.

В-четвертых, нельзя забыть вовсе и того, что на устройство помещения для нового епископа с его суфраганами, для консистории, капитула и семинарии и на обеспечение их содержания потребуется не один миллион, который мог быть употреблен на более нужное и полезнейшее. поелику, как показывает опыт с Петербургской римско-католической академией, принято, неизвестно почему, как бы за правило, чтобы производимая от казны сумма на содержание римских католиков была гораздо выше той, которая производится на содержание православных кафедр и семинарий, то обстоятельство сие, кроме издержек, будет еще служить постоянным поводом к превозношению для католиков и к соблазну для православных.

В-пятых, если правительство действительно предполагает, посредством латинской семинарии в Херсоне, образовать из детей южных колонистов наших в составе иерархии римско-католической новый элемент немецкий, то должно сказать, что этот элемент немногим будет лучше польского. Не говоря уже о том, что новые воспитанники получают образование от наставников поляков, кои не преминут передать им свой дух, южные колонисты сами по себе доселе составляют видимое *status in statu*, живя почти в совершенном разобщении с русскими, не стараясь знакомиться, даже в училищах, с языком русским. Взвизывая доселе на себя как на иностранцев, в сравнении своими русские ничего не значат, они не перестают мечтать о Германии и готовы отдаться под всякое чуждое влияние.

Что же, – спросят, – делать, когда мы уже обязали себя силою трактата с двором римским? Не принимая на себя полного решения этого вопроса, которое принадлежит, очевидно, не тем, кои смотрят снизу, а тем, кои стоят вверху, можно, вместо ответа, сделать несколько примечаний.

Если уж нельзя возвратиться назад, то:

1. Неблагоразумно было бы спешить и вперед, тем паче, когда, идя и шаг за шагом, нельзя идти иначе, как только с немалым усилием. На бумаге новую епархию латинскую можно было учредить в одну минуту; а

на самом деле устройство ее неизбежно требует нескольких лет, уже потому, что нет ни одного готового здания, а их нужно несколько и значительных размеров. Где, потом, взять лиц для трех митр епископских, когда и одного, предназначенного во главу остальных, оказалось нужным прежде окрестить, а потом произвести во епископа? Откуда набрать капитул и каноников, когда в Херсоне один только ксендз? Из чего образовать семинарию? Ужели правительство обязано и в сем случае творить все из ничего, когда само латинство не представляет необходимых материалов? Кто и по какому праву может требовать сего? Между тем, пройдет два-три года, и – кто знает, что будет с католичеством в самом Риме? Во всяком случае, можно надолго ограничиться одним епископом без суфраганов, даже до времени – без капитула, в том обширном и преухищенном составе и виде, как любят размалевывать его римские католики.

2. Вместо ненужных латинских суфраганов необходимо поспешить с учреждением для весьма обширной православной епархии Херсонской викарного епископства, с помещением его в Херсоне. Этим успокоен будет дух тамошнего православного населения, поставлен необходимый оплот против римской пропаганды в Херсоне и положено начало ближайших действий на мусульманский Крым.

Вместе с сим, для устранения неблагоприятных для Православия сравнений в глазах людей не только духовных, но и светских, необходимо увеличить штаты по православному ведомству херсонскому до той степени, на какой они определены там теперь для католиков, а равно предоставить православному архиепископу то же право, каким будет пользоваться латинский бискуп касательно командирования, в случае нужды, благочинных на казенный счет.

3. Если бы оказалось возможным (а почему не так?) поместить нового епископа латинского не в Херсон, а в другом месте, например в Ставрополе, составляющем центр его епархии, то одно это уже было бы небесполезно в разных отношениях. Таким образом, епископ сей, во-первых, был бы ближе к Саратовской губернии, где наибольшая часть его, вообще невеликой по числу душ, паствы; а с другой стороны, к собственному его спокойствию, он находился бы вдали от черноморских портов и, следовательно, от вольных и невольных, не всегда безопасных связей со множеством иностранцев, кои почти круглый год толпятся по сим портам и могут сделаться, – разумеется не в пользу правительства, – постоянными посредниками между Римом и римско-католическим Херсоном. В пользу Православия при сем случае оставалось бы то, что

чувство русское не страдало бы, видя как латинство с такой силой ставит крѣж римский у самой колыбели веры православной.

Независимо от всего вышесказанного, нельзя не сделать еще одного примечания касательно некоторых мыслей и выражений, кои *Curia Romana* позволила себе употребить в учредительной булле об епископстве Херсонском. Сверх всякого ожидания здесь в слух всего света прямо говорится, что якобы Отечество наше проповедь о вере христианской впервые услышало от латинских миссионеров, что некоторые из них даже удостоились якобы принять от руки наших предков венец мученический. Скажите, пожалуйста, кто эти мученики? И откуда видно, что свет Евангелия пришел к нам из Рима? Когда подобная ложь провозглашалась, по временам, от поборников папства в разных неважных книжонках, то можно было смотреть на это равнодушно, как на выходки школьной полемики; но теперь, когда мы допустили и, следовательно, приняли за истину эту обидную для нашего Православия ложь, в папской булле, имеющей пред лицом всего света силу трактата, в какое положение поставлены защитники Православия, и что остается делать им? И в силу какой крайности допущено все это в новой булле? В прежних буллах не было о сем и помину; так могло оставаться и теперь. Кроме сей, очевидно весьма важной с нашей стороны ошибки, сколько потом в булле выражений, кои папа мог употребить только в отношении к какому-либо городу своей Римской области. Вообще бедный Херсон, с именем коего у православных россиян неразрывно связана память о крещении святого Владимира и обращении всея России к христианству, трактуется в сей булле почти как город идолопоклоннический, коему теперь только, по милости Ватикана, даруется кафедра христианского епископа, с пожалованием неизвестно каких прав и преимуществ. Не так писаны учредительные акты за семьдесят лет для архиепископства Могилевского; там город не производится ни в какой новый чин, а только говорится, что такая-то церковь в городе сделалась кафедральной, или архиепископской.

Скажут, что «это у двора римского слова и выражения как бы технические, кои в существе дела ничего не значат и ни к чему не обязывают». Нет, техника слов и оборотов в полной команде у двора римского, и никто так не умел извлекать из нее выгод для себя, как Ватикан. Сколько, непреложных теперь, прав над всем западным духовенством выработала для себя дипломатика римская из неважных, по видимому, и общеупотребительных выражений учтивости и преданности, кои в простоте сердца употребляли некогда в сношениях с Римом западные епископы! Раз уступленное выражение Ватикан тотчас обращает

чуть не в догмат, и давая ему, посредством диалектики, вид преувеличенный, составляет из него для себя право. Во всяком случае, зачем было допускать в новой булле такие выражения, кои сопряжены с нареканием для господствующей Церкви, и на основании коих через сто лет любой историк, по всем правилам науки, может допустить, что в 1847 году в Новороссийском краю господствующим вероисповеданием был католицизм, а Восточное Православие если и было там, то в таком малом и слабом виде, что в сравнении с латинством как бы ничего не значило...

О воспитании польского юношества

Исторически известно, что Польша, даже в цветущее для нее время Баториев и Ягеллонов, не благоденствовала более, как под скипетром русского Царя. Но, чтобы быть ей вполне счастливою, недостает полякам только сознания и убеждения в том, что политическое существование Польши отдельно – невозможно, что она есть усыновленная дочь доброго отца великой и доброй семьи русского народа.

Такому искреннему убеждению, ведущему к прямому счастью поляков, мешает им природное их легковерие, фанатизм и предубеждение к нам, всасываемое ими, так сказать, с молоком матери. Поэтому поляки привыкли смотреть на каждого русского как на своего личного врага, а на самые общие необходимые и благодетельные распоряжения правительства – как на притеснения своих прав и свобод. Перевоспитать нравственно поляков взрослых невозможно, но на юное поколение можно и должно действовать через воспитание. Одним только тщательным и благоразумным воспитанием можно, так сказать, обрусить поляков, слить их с нами в одну семью, заставить полюбить кроткое, отеческое правление наших государей.

Для этой цели правительство приняло несколько действенных мер.

1) Преобразованы польские училища и преподавание предметов приспособлено к отечественному образованию.

2) Преподавание наук и предметов вообще введено на русском языке вместо польского.

3) Заведены общие квартиры, куда поступая, польское юношество от обращения с русскими должно сблизиться с ними и, не имея случая повторять нелепости, слышанные еще в детстве, дома, о России и о всем русском, естественно должно удалиться от всех закоренелых, так сказать, национальных предрассудков.

Но последнее распоряжение, по некоторым причинам, не достигает своей цели, потому что:

а) Бедный свободный класс поляков, по причине дороговизны за содержание, лишен возможности давать детям общественное воспитание; следовательно, и нравственное его воспитание, в отношении к правительству, остановилось на прежней точке.

б) Богатые же поляки, считая унижительным для себя воспитание детей в общих квартирах, называя их московскими казармами (местное выражение), обратились в Одессу, на которую это распоряжение не

распространяется. Доказательство, как поляки не терпят с нами сближения, видно из того, что из целой трети студентов лицея и учеников гимназии, поляков, нет ни одного своекоштного воспитанника в гимназическом пансионе.

Сверх того, здесь возникло еще одно важное зло: образовался целый класс польских промышленников, людей самой двусмысленной репутации, коммерсантов, которые, чувствуя поживу, отовсюду стекаются в Одессу и кидаются на воспитание польского юношества, как хищные птицы на добычу.

Министерство народного просвещения, постигая всю важность воспитания юношества, с 1842 года ограничило даже число учителей, предоставляя право только благонадежнейшим из них, и то с дозволения попечителя учебного округа, содержать пансионеров, не более десяти, которых дирекция училищ часто должна проверять, а учителя доставляют ведомости о состоянии своих пансионеров.

Между тем, польские промышленники: Донидай, Желиборский, Якоби, Вихерский, Табаровский, Подлевский, Стояновский и многие другие, без всякого на то права и, не давая никому отчета, пользуются правами воспитателей. Все лучшее и богатейшее дворянство из Западных губерний отдает к ним детей, конечно, с целью поддержать в них прежний национальный дух.

Очень естественно, что такие воспитатели, сами смотря неприязненно на Россию, могут поселять в детях ложные и вредные мысли в отношении к правительству, не говоря уже о том, что дозволяют им разные вольности, карты и даже распутство. А как у некоторых польских воспитателей число пансионеров бывает и выше двадцати, то некоторым образом в одном доме помещается как бы целое общество, куда может собираться и другая знакомая молодежь; а такое общество без деятельного, опытного, добросовестного и доверенного от правительства надзора может принять направление и характер опасный, и повлечь за собой вредные последствия.

Безошибочный вывод из этого предположения наделе оправдывается уже некоторым образом тем, что польское юношество составляет собой особый круг, и, чего прежде вовсе не было замечено: студенты и меньшие воспитанники на улице, в обществе и даже в классах и в лицейских аудиториях громко говорят по-польски.

Из всего сказанного, так как вывод его основан на продолжительном наблюдении и опыте, следует:

1) Запретить полякам вообще, а в Одессе в особенности, как домашнее воспитание юношества, так и содержание пансионеров, посещающих

классы в публичных и частных учебных заведениях.

2) Так как язык национальный каждого народа напоминает ему о его характере, обязанностях и отношении к другим, а полякам в особенности, из-за их легковерия, фанатизма и ненависти к правительству, то начальство учебного ведомства обязано было бы запретить разговаривать по-польски на улицах, в обществах, а тем более в классах. Напротив, благоразумно было бы внушить им употребление языка господствующего в империи народа.

3) Воспитание поляков должно быть общественное и начинаться с самого юного возраста, пока еще сердце не огрубело и ум не закоренел в национальных привычках.

И если правительство, желая через общественное воспитание дать отечественное направление юношеству, запретило принимать учеников с домашним воспитанием выше 4-го класса гимназии, то тем более следовало бы запретить принимать их прямо в студенты лицея, куда они поступают уже в полном возрасте, с которым тесно связаны укоренившиеся привычки, направления и свой взгляд на вещи.

4) Ксендз-законоучитель должен, под частым наблюдением начальника учебного заведения, внушать польскому юношеству любовь к Отечеству, России, смотреть на русского, как на родного брата, а на наши общие отечественные интересы, как на свои собственные, иметь к правительству полное доверие; существование Польши отдельно считать глупой, вредной, несбыточной, детской мечтой, видеть в России мать родную, а в нашем Государе – доброго, заботливого и великодушного отца народа.

О восстановлении древних святых мест по горам Крымским

Кто бывал в Крыму и путешествовал по горам Таврическим, тот не может не знать, что среди сих гор доселе представляются местами останки не только церквей, но и монастырей. Некоторых из них мы не знаем заподлинно даже имен; а другие урочища продолжают быть доселе предметом уважения всенародного, с ежегодным стечением к ним, в известные дни, вместе с христианами и самих татар, кои в южной части Крыма, как известно, почти все были некогда христианами и доселе не утратили совершенно памяти о прежней вере своей, выражая это повременными стечениями к местам, освященным верой христианской. Тем прискорбнее видеть, что эти святые места остаются в пренебрежении, переданные на произвол случая, не к чести, без сомнения, для христианства и не без соблазна для верных и даже неверных. Восстановление их в приличном виде, без издержек со стороны казны, было бы потому делом весьма добрым во многих отношениях:

а) Этим поддержалась бы, особенно в глазах иноверцев, честь веры христианской и русского правительства.

б) Сохранились бы от конечного разрушения места, по многим причинам стоящие внимания всякого просвещенного человека.

в) Неприметно образовались бы средоточия тихого, благотворного действия веры христианской на окрестное население из татар и – кто знает? – может быть, приготовили бы постепенно сближение мусульман Крымских с христианством.

г) Самим путешественникам по горам Крымским приятно было бы, вместо мертвых и безгласных развалин, наводящих грусть и уныние, находить, местами, пристанища священные, где бы вместе с телом мог опочить и дух.

Все, здесь изложенное, почувствовал и осознал, можно сказать, весь Крым христианский, как это можно видеть из прошения (прошение это не сообщено редакции) его к епархиальному начальству, к сему прилагаемого, которое во всех отношениях заслуживает внимания и участия правительства.

Но что же именно можно сделать в удовлетворение этой просьбы? Заняться постепенно восстановлением священных мест, рассеянных по горам Крымским. Каких именно, и в каком виде?

Естественно, первым предметом восстановления должны сделаться те

места, которые, во-первых, наиболее уважаются народом и заслуживают того по своему внутреннему священному характеру, и, во-вторых, которые легче и скорее восстановить, как не требующие для того особенных издержек.

Таковые места суть:

1) Так называемая Успенская скала, что вблизи Бахчисарая. В ней есть уже готовая церковь со всем нужным для богослужения, и с кельями при ней для помещения служащих. Пути к сей скале довольно хорошо уравниены и отделаны; есть даже проведенный из соседней горы фонтан живой воды. Все это было следствием особенного уважения к сему месту народа, который, в день храмового праздника (Успения Богоматери) во множестве стекается к сей скале на богомолье, производя вместе с тем род ярмарки, продолжающейся до отдания праздника, то есть до 23 августа. В такое уважение скала Успенская вошла у народа потому, что она была последним местопребыванием православного митрополита Крымского под владычеством татар, который, как известно, перешел отсюда в 1779 году в Мариуполь. Кроме сего, здесь находится на стене икона Богоматери, весьма уважаемая народом. По всем сим уважениям, скала Успенская первая подлежит вниманию и требует некоторого восстановления, ибо она довольно оправлена, а надлежащего, можно сказать, употребления не имеет, ибо теперь она в заведывании священнослужителей Бахчисарайской церкви, кои не могут там отправлять постоянного богослужения и наблюдать за нею так, как бы желалось для чести святого места, употребляя доходы не на украшение ее, а на свои нужды.

2) Церковь святой Анастасии, с источником, находящаяся между Чатыр-дагом и Бахчисараем. Место сие также посещается народом, вследствие чего помещик Хвитский, коему оно принадлежит, собственным коштом возобновил уже древнюю церковь греческую, там некогда существовавшую. поелику для сей церкви не из кого составить прихода, то единственный способ к ее сохранению и поддержанию, по смерти сего помещика, остается тот, чтобы обратить ее в киновию под зависимость скита в скале Успенской. Для помещения двух-трех иноков при сей церкви будет служить дом помещика, который с радостью жертвует его будущему скиту Успенскому – и с садом фруктовым, желая только окончить свои дни на сем месте в виде инок.

3) Источник Сулук-су, или святых бессребреников Космы и Дамиана, находящийся при вершинах реки Алмы, у подошвы Чатырдага. Урочище сие почитается священным, а источник целебным не только во мнении христиан, но и татар, почему на 1 июля – день памяти святых

бессребреников – сюда стекается немалое число христиан и даже татар с их семьями, кои привозят сюда своих больных и детей для купания в целебных водах. Место сие когда-то, по всей вероятности, ознаменованное пребыванием на нем какого-либо святого подвижника, теперь пусто и не представляет ничего, кроме неискусно обделанного источника и грубых купален. Для приведения его в приличный вид нужно устроить: а) часовню над колодезем; б) две удобные купальни для мужчин и женщин особо; в) две-три кельи для помещения благочестивых старцев, и хотя бы одну комнату для посетителей.

На устройство всего этого уже нашелся один благочестивый человек в Симферополе, обязавшись в непродолжительном времени представить для того план и фасад. После сего остается только получить согласие от господина Министра государственных имуществ на уступку в пользу церкви нескольких десятин земли, дабы окрестность свято чтимого народом источника с часовней не подлежала порубке леса и порче от пастухов.

4) Основание церкви между развалинами Херсонеса. Между этими развалинами доселе приметны основания четырех церквей: трех меньших и одной большей, которую не без причины признают за соборную, в коей крестился святой Владимир. Здесь бы, по тому самому, надлежало быть и церкви, предположенной к постройке от лица всея России в память крещения Владимира. Теперь, как известно, местом для сей церкви избран близлежащий город Севастополь. Не касаясь важности причин, по коим предоставлено ему это преимущество, следует, однако же, заметить, что каждый из путешественников, посетив новый храм в Севастополе, поставит за священный долг себе побывать и на развалинах Херсонеса, встретит там основания древней церкви, в коей произошло крещение Владимира, и, вероятно, пожалеет, что оно не ознаменовано ничем священным. Чем ознаменовать его? Каким либо памятником?.. Но святому равноапостольному какой может быть приличнейший памятник, как не церковь во имя его? поелику основания древней церкви на развалинах Херсонеса целы доселе и даже сохранились части колонн и орнаментов ее, то новейшая архитектура в состоянии по сим данным восстановить ее в том древнем виде, как она была при Владимире, что и составит самый приличный памятник на месте его крещения. Кажется, Сам Промысл ожидает сего от нас, ибо, по тайному распоряжению Его, среди всех превратностей времени, доселе сохранилась доска с престола сей церкви, находящаяся теперь в музее Одесского общества древностей. Пусть ляжет она паки на престол в сей же самой церкви, и пусть на ней же, по

прошествии восьми веков, начнет приноситься снова благодарственная от лица всея России жертва Господу, Который, в лице Владимира, извел всю землю Русскую из тьмы идолопоклонства в спасительный свет Евангелия!

Здесь, кроме, может быть, основания древней церкви, надобно будет делать все снова, а именно: кроме восстановления самой церкви в древнем виде, должно: а) устроить помещение священнослужащим с особой комнатой для посетителей; б) возобновить древнюю, находившуюся при церкви, цистерну; в) насадить вокруг церкви деревья и сделать ограду.

На устройство всего этого на свой кошт уже нашелся один человек в Одессе, а место, как пустое и без употребления лежащее, для такой цели, вероятно, с удовольствием будет уступлено морским ведомством.

5) Церковь в скале Инкерманской. Место сие священо по тому преданию, что здесь подвизался в заточении святой Климент, папа Римский, коего мощи, чудесно обретенные потом в море у Херсонеса, взяты на благословение великим князем Владимиром из Корсуня в Киев. Восстановление сего места должно состоять в поновлении церкви и находящихся при ней келий, дабы могло совершаться богослужение. Остающиеся доселе на стенах следы живописи греческой дают возможность восстановить внутренность ее в виде, приближен к тому, который был в самом начале ее устройства. Таким образом, посещающий это место (а его не посещает редкий из путешественников по Крыму) не будет, к прискорбию своему, находить в стенах сего храма овец, загоняемых туда на ночь и от жара дневного.

6) Часовня во имя святого Иоанна Предтечи, устроенная над источником, близ дороги, ведущей из Байдарской долины в Севастополь и Балаклаву. Место сие также в уважении у всей окрестности, и по усердию к нему православного народа, особенно окрестных греков, настолько отделано, что остается только устроить несколько малых келий, дабы вышла прекрасная киновия. Начальство балаклавского батальона, вероятно, не затруднится уступить несколько десятин земли для жительства отшельников, кои для сего места будут выбраны из греков же, дабы и греческий элемент входил в состав духовного братства Тавриды, в знак братского союза по вере обоих народов и в духовное пристанище тем из греков тавридских, кои ищут жития пустынного.

7) Церковь святого Матфея, в Судакской долине, где была древняя крепость Генуэзская, а потом, в конце прошедшего столетия, русская. Еще цель – иконостас этой церкви. Возобновление ее не требует многого, а между тем киновия, при ней устроенная, возьмет в заведование свое два священных и чтимых народом урочища: а) у горы Кизильташ – источник

Иоанна Предтечи; б) у подошвы горы Агермыш – святого Георгия, и таким образом заключит собой на юге округ будущего духовного братства Тавриды.

После описания местностей и того, что предполагается сделать на каждом из них в материальном отношении, остаются к разрешению два вопроса: а) Кем наполнить эти возобновленные святыя места, то есть кому в них жить и священнодействовать, и кому за ними смотреть? б) Каким образом содержаться этим лицам, и как поддерживать здания, на сих местах устроенные или возобновленные?

Рассматривая первый вопрос, тотчас можно усмотреть, что для наполнения вышеозначенных мест, особенно некоторых из них, нельзя употребить лиц из белого духовенства. Ибо, как заключить при источнике Космы и Дамиана, в диком и безлюдном ущелье под Чатырдагом, семейства священников и причетников? Равно как поместить эти семейства в тесных кельях Инкермана, даже в скале Успенской? Это привело бы к необходимости обширнейших построек для жительства и к большим издержкам на содержание принтов. Таким распоряжением не был бы доволен и самый народ православный, привыкший искони в понятии своем соединять места священные с мыслью об иноческих обителях.

С другой стороны, обратить каждое из предполагаемых к восстановлению священных урочищ в монастырь, по чину монастырей Российских, значило бы, кроме вышесказанных, встретиться еще с новым затруднением, а именно: где набрать на столько мест людей, совершенно способных устроить и во всей строгости поддерживать чин монастырский, хотя бы и в самом ограниченном виде?

Посему самая необходимость велит обратиться к другому решению вопроса.

Есть образ жизни монашеский, отличный по внешности (не в малом) от нашего монастырского, хотя совершенно равносильный ему по духу, бывший в большом употреблении в древние века христианства, не знакомый и России, особенно в прошедших веках, доселе хранимый во всей силе в Греции, на Горе Афонской, к коему, по тому самому, по всей России у любителей жития монашеского пребольшое и преживое сочувствие, вследствие чего ежегодно ищущие строгого пустынного жития, не удовлетворяясь отечественными формами монашества, текут, и явными и тайными стезями, на Афон. Особенность образа монашества Афонского состоит, главным образом, в том, что там, при каждом из монастырей, находятся, на разных расстояниях от него, так называемые

скиты, или киновии, в коих живет по несколько иноков (большей частью старцев), кои, не оставляя монастыря, проводят жизнь пустынную, занимаясь богомыслием и трудами, и собираясь, по временам, в свою малую церковь или часовню на молитву. Водворить и упрочить сей образ подвижничества иноческого в Тавриде было бы одной из немаловажных услуг Церкви, даже, можно сказать, и государству. Ибо Россия сильна и держится преимущественно верой и чувством набожности, а набожность в народе нашем, сообразно нравам его, питается наиболее святыми обителями иноческими. В большей части России это предприятие, в духе Афонского подвижничества, почти невозможно, по самому физическому местоположению их среди страны многонаселенной, за исключением разве одного острова Соловецкого, монастырей на Валааме и Коневце и пустыни Саровской. Но наши горы Таврические представляют к тому редкую и совершенную удобность во всех отношениях. Если отшельников на Афоне привлекают горы подоблачные, безмолвие и удаление от мятежа человеческого совершенное, близость моря беспредельного, благословенное обилие плодов земли: винограда, маслин и смоковниц, живых и журчащих источников, то всем этим, в таком же совершенстве, ущедрена от Господа и наша Таврида. Если Афон обилует священными памятниками и воспоминаниями, то и русский Афон, Таврида, не уступит в этом Афону греческому. Тут святые следы стоп святого Андрея Первозванного; тут кровь святых пап – Климента и Мартина; тут подвиги Стефана Сурожского и первоапостолов Славянских – Кирилла и Мефодия; тут память святого Владимира и его крещения; сколько примеров веры и добродетели! А между тем, в отношении к русским отшельникам, Таврия далеко превзойдет Афон (говорим это не по соперничеству, коему в сем святом деле не может быть места, а по необходимости, для пояснения дела) миром и удобством для тех из наших соотечественников, кои ныне ищут для себя глубочайшего безмолвия в обителях Афонских. Тяжело, а должно сказать, что набожный русский человек, ищущий мира душе своей в Афоне и воображающий найти там рай духовный, встречает нередко тяжкие утеснения, отчего многие и возвращаются назад, распространяя по России, не в пользу веры и Православия, невыгодные молвы об Афоне. Как бы хорошо было, посему, предоставить, с нашей стороны, русским подвижникам все средства, пособия и удобства, с благословением Божиим устроить свой русский Афон! Сколько бы душ нашло пристанище для себя, так сказать, дома, не оставляя родины, не подвергая себя утеснению турок! Таврида наша с горами своими и священными воспоминаниями представляет к тому единственное средство.

Посему-то для наполнения предполагаемых к восстановлению священных мест Крымских представляется удобным и лучшим употребить не белое духовенство, а монашеское, в следующем виде:

1. Не заводя никакого монастыря, а придерживаясь формы пустынножительства Афонского, учредить из всех священных мест Крыма одно иноческое братство, средоточием коего будет скала Успенская, под именем скита Успенского; прочие же священные места с их церквами и часовнями будут почитаться его отраслями, под названием киновий. В самом главном скиту достаточно быть одному авве с иеромонахом, иеродиаконом, и трем послушникам. Прочие священные места будут носить название киновий: святого Владимира, святого Климента, святой Анастасии, и прочие, каждая под начальством одного старца-иеромонаха и двух или трех послушников, лет, сколько возможно, пожилых и поведения испытанного. Таким образом, для всего Крымского Афона монашествующих лиц потребуются не более девяти; прочие же лица, при них, могут быть и не постриженные в монашество, но истинно монашеской жизни старцы, числом не более двадцати.

2. Епархиальное начальство примет меры, чтобы для пустынников, по исполнении братского послушания, у каждого были пособия и средства к сообразным его нраву и способностям занятиям. Кто может, пусть занимается собиранием исторических преданий и описанием древностей; другой пусть посвящает свободное время на писание святых икон; третий – на собирание целебных трав и оказание помощи болящим; четвертый – на прием и путеводительство странников; пятый – на разведение винограда, смокв, и так далее. Не бесполезно, чтобы некоторые, по крайней мере, знакомились с языком татарским, дабы могли вести при случае речь с татарами. Гостеприимство путешествующим, кто бы он ни был, хотя бы татарин и еврей, должно быть одной из первых добродетелей у всех пустынножителей. Касательно всех сих и многих прочих предметов они будут снабжены особенным руководством.

В ответ на последний вопрос: чем содержаться пустыннослужителям и чем поддерживать места священные, представляется следующее:

Прежде всего должно приметить, что содержание лиц предполагаемого братства монашеского, с одной стороны, по их немногочисленности и пустынному образу жизни, с другой – по обилию местных произведений, не может требовать значительных издержек. По возможно точному расчету для сего довольно будет десяти тысяч рублей ассигнациями. На это пойдут:

1. Приношения от богомольцев и посетителей, кои в скале Успенской,

в церкви святой Анастасии, Иоанновской часовне и источнике Космо-Дамиановском и ныне простираются ежегодно не менее как до пяти тысяч рублей ассигнациями. Нет сомнения, что и другие из священных мест, будучи возобновлены и освящены церквами и богослужением, также не преминут получать в пособие себе приношения от посетителей. Не может быть места более глухого и дикого, чем источник Космы и Дамиана, но в нем за один день (1 июля, в день памяти святых угодников) получают за свечи и молебны до шестисот рублей ассигнациями.

2. Вклады от ревнителей благочестия на поддержание святых мест. Некоторые из таковых вкладов уже имеются в виду и составят на первый раз не менее пятидесяти тысяч рублей ассигнациями. Судя по сему, можно с уверенностью надеяться, что из сих вкладов образуется в непродолжительном времени капитал, проценты с коего предоставят обеспечение для содержания таврического братства. А между тем никто не принуждает нас предполагаемые к открытию святые места открыть все вдруг: дело может и должно идти постепенно, сообразно со средствами к действию.

Таков вкратце план будущего русского Афона в Тавриде! Было бы только предначато, как должно, людьми, а Господь сторицей благопоспешит благому начинанию, и Сам узрит для Себя верных слуг и усердных подвижников, которые, не выходя из пустыни, распространят славу имени Его по всему миру и будут служить духовной оградой Отечества, призывая на него в молитвах своих день и ночь благословение свыше. Да даст же Господь, чтобы это предначертание осуществилось в том или другом виде, вполне или отчасти, руками нашими и при нас, или руками других и в другое время, – все равно, только бы все, имеющее совершиться, обратилось во славу Божию, к пользе Святой Церкви, для блага человечества, к чести Монарха и имени русского!

Предложение Херсонской епархиальной консистории

Вследствие обозрения мною значительной части здешней епархии и замечаний, при сем сделанных, нахожу необходимым, чтобы консистория циркуляром предписала всем духовным правлениям и благочинным следующее:

1) Сделать немедля везде по церквам, вокруг иконостаса и амвона, решетки, по силе Высочайшего указа из Священного Синода 1841 года, и никого из народа к стоянию за решетками отнюдь не допускать, по силе того же указа.

2) Купели для крещения и водосвятые чаши лудить чаще и содержать в совершенной опрятности.

3) Лампадки вверху иконостаса с железными горбылями и веревками упразднить, по указу 1835 года, как опасные для стоящих внизу под ними людей.

4) Разбитые стекла заменять новыми, цельными, а составленных из кусков стекол в церквах не иметь, и временами запыленные промывать.

5) Завести благоприличные ковчеги для хранения святого мира; чистить их, а ножницы освобождать от пыли и ржавчины.

6) Паутины в церквах ни под каким видом не иметь.

7) Кадушки с медом (из канунов) по церквам строжайше воспретить.

8) Утварь церковную временами чистить, а бархат на Евангелиях устарелый переменять.

9) На жертвенниках иметь по два копыя, большому и малому, по Уставу Церковному.

10) Святые иконы, жертвуемые в церковь, благоприлично расставлять где можно, а не нагромождать их одну на другую, к безобразию храмов.

11) Штофов и бутылок на жертвеннике для вина церковного отнюдь не иметь, а завести для сего другого рода сосуды, не напоминающие собою о шинках.

12) Хоругви иметь благоприличные, а ветхие в лоскутах и ненужные прибрать.

13) Тарелки для сбора денег по церкви обтянуть сукном, дабы не происходило неуместного трезвона, и ходить с ними не в самые важные минуты совершения Таинства.

14) Разбивающиеся книги церковные немедля переплетать вновь, дабы листы не падали перед народом из рук держащего книгу. 15) Вокруг церкви стараться разводить приличные деревья, не гоняясь за плодами,

кои нельзя сбредить, а за тенью и благолепием.

16) Причетникам ходить в полукафтанах с поясом и в шляпах, а не в картузах набекрень, и не в кургузых казакинах.

17) Священникам иметь молодых, неопытных причетников под особенным отеческим надзором в надежде благодарности от начальства за усовершенние их, равным образом взыскания за противное.

18) Неопустительно совершать по церквам чтение кратких поучений при литургии, выбирая для сего назидательные и общепользные статьи из книг, изданных Священным Синодом, и других общеуважаемых духовных творений, между прочим, из Четий Минеи и Пролога, только бы все это было как можно короче.

19) Исповедь в посты производить с надлежащим усердием, благоговением и рассудительностью духовною, памятуя, что исповедь – одно из самых сильных средств для благотворного воздействия на нравственность народа и в то же время для снискания духовного уважения и любви прихожан к священнику.

Недостатки, по всем сим пунктам, мною, к сожалению, во множестве замеченные, не указываются здесь, в приложении к лицам и церквам, где они встречены, в той надежде, что при вторичном обозрении мною епархии, они не встретятся более.

Господь да дарует исполниться сей надежде!

Предложение Херсонской епархиальной консистории

При обозрении епархии необходимы бывают разные местные сведения, коих у благочинных, большей частью, не находится. Для сего предписать немедля всем благочинным, чтобы они постоянно имели у себя в готовности следующие ведомости:

1) О церквах, с означением каменных, деревянных, ветхих, строящихся или обновляемых, запечатанных, и прочих.

2) О лицах, отмеченных какими-либо наградами, равно оштрафованных за что-либо, состоящих под судом и неисправного поведения.

3) О праздных местах священно- и церковнослужительских, с показанием, когда сделалось праздно.

4) Об училищах казенных и помещичьих, с означением учителей и числа учеников.

5) О заштатных священнослужителях и сиротствующим семействам, получающим и не получающим пособия из попечительства.

6) О чудотворных иконах, целебных колодезях, особенных местах, уважаемых народом, и примечательных древностях церковных.

7) Об имуществе церковных, состоящих из домов, лавок, рыбной ловли, лесов и прочего.

8) О следственных деталях, по их округу, с означением их начала и качества, и кому поручено, равно о процессах со светскими лицами в пользу церквей.

9) О суммах, принадлежащих церквам, с показанием их количества, места хранения, нужды или ненужды для церкви, и прочее.

10) Об окончивших курс, но не определенных к месту, об исключенных учениках, об обучающихся по домам и в училищах, о достигших десятилетнего возраста, но не записанных в школах.

11) О старостах церковных, с означением времени их службы и полученных ими наград.

12) О состоянии метрических и исповедных книг и библиотек церковных с указанием, в каких книгах недостаток.

13) Вообще, о нуждах их округа со стороны церквей, духовенства, и прочих, с изъяснением, что требуется к отвращению их, и каким образом можно это сделать.

Разбор сочинения доктора богословия епископа Макария, под заглавием «Православно-догматическое богословие»

Рассматриваемое нами сочинение представляет собой редкое и самое отрадное явление в нашей богословской литературе, подобного коему она давно не видала на своем горизонте и, по всей вероятности, не скоро увидит опять. Самые иностранные богословские литературы, несмотря на их давнее развитие и вековые усовершенствования, не представляют, особенно в современности, творения с такими достоинствами, как православная догматика преосвященного Макария. Богословие, как наука, подвинуто сим многоученым творением далеко вперед и много приобрело уже тем, что избавлено совершенно от схоластики и латинского языка и таким образом введено в круг русской литературы и предложено, так сказать, ко всеобщему употреблению для всех любителей богословских познаний. Но самая большая заслуга автора состоит в том, что в сочинении его в первый раз изображены со всей силой и убедительностью, ученым и вместе удобопонятным языком, те догматы и положения, коими Православная Церковь Восточная отличается от всех прочих вероисповеданий христианских. После сего иностранный богослов не может сказать, что в Восточной Церкви привыкли веровать в свои мнения безотчетно, ибо в новой православной догматике содержится такой отчет во всем, подобного коему доселе не представила большая часть Церквей не православных, начиная с английской.

В подкрепление сих мнений да послужат следующие несомненные справки и соображения.

А.

1) Все доселе изданные в свет опыты богословия отечественного можно разделить на два класса: одни составлены без строгой системы, в виде как бы отдельных трактатов, не связанных тесно между собой никакой общей, видимой в книге мыслью, подобно тому, как поступали в своих произведениях покойные схоластики. Сюда относятся догматики архимандритов: Иосифа Карпинского, Сильвестра Лебединского, Макария Петровича и иеромонаха Ювепалия Медведского. Другие преосвященные, как то: Ириней Фальковский, Феофилакт Горский, протоиерей Терновский и архимандрит Антоний – держались известной системы, следуя плану, предначертанному еще Феофаном Прокоповичем, который

разделил догматику на две половины: на учение о Боге в самом себе (de Deo ad intra) и на учение о Боге вовне, то есть в Его действиях (de Deo ad extra). План очень изрядный, только не в приложении к богословию христианскому, ибо нисколько не взят из сущности христианства, как бы следовало, почему и не приходится с удобностью к систематическому изложению догматов христианских. Для второй части богословия по сему плану остается слишком много предметов в сравнении с первой; да притом в сем случае нет мысли, коей можно было бы связать и проникнуть все трактаты, в нее входящие.

Преосвященный Макарий умел вполне приметить и успешно избежать сего общего богословиям недостатка. За исходную точку для догматики, или за начало ее, он принял самое понятие о христианской религии, которая, по существу своему, есть не просто только первобытная религия, или естественный союз человека с Богом, как было до падения человека, но религия в ее дополненном через откровение и исправленном виде, – как союз падшего человека с Богом, восстановленный сверхъестественно через Таинство искупления и благодати; а потому и состоит из двоякого рода догматов, из коих одни принадлежат ей, как религии вообще, другие – как религии восстановленной, сверхъестественной, христианской. В первых излагается учение о Боге и об отношении его к человеку – естественном и общем, какое имел к нему Бог еще в религии первобытной, естественной и имеет равно ко всем прочим существам мира, как их Творец и Промыслитель. Другие излагают учение о Боге, как Спасителе человеков падших, и об отношении Его к человеческому роду особенном, сверхъестественном, какое Бог имеет исключительно к нам, грешным, в религии восстановленной, как наш Искупитель, совершив дело спасения на кресте, как наш Освятитель, усвояющий нам это спасение посредством благодати Святаго Духа, наконец, как наш Судия и Мздовоздаятель, имеющий воздать по смерти каждому, смотря по тому, как он воспользовался спасением, для него приобретенным. Такое разделение догматов и догматики, выходящее, можно сказать, из самого существа христианской религии, отличаясь естественностью, вполне соответствует своему предмету: здесь нет неудобств прежнего плана; части системы являются равными, выводятся из одного начала, проникаются, до мелких подробностей, одной господствующей мыслью и, таким образом, действительно представляют из себя стройное и саморазвитое дело – науку. Такое разделение догматики, удовлетворяя вполне требованиям логики, получает новую цену оттого, что таким образом изведен из-под спуда и пущен опять в дело

древний способ изложения догматов христианских, коего держались постоянно (как это показывает сам автор) святые отцы и учителя вселенские, и который вышел из употребления и оставлен в забвении только потому, что не умели достойно оценить его и придать ему ученую систематическую обработку.

2) Еще более преимуществ рассматриваемая нами догматика имеет перед всеми прежними догматическими творениями в отношении к методу или способу раскрытия истин богословских. Здесь каждый догмат обозревается и раскрывается со всех сторон, с каких только он может с пользой явиться в науке; внимательный читатель, по прочтении каждого трактата, в состоянии сам судить о нем (догмате) и в его начале и основаниях, и в его историческом развитии, и в его отношении к началам разума, и в его практических последствиях для сердца и жизни.

Рассмотрение всегда открывается обстоятельным изложением о предмете учения Церкви, как хранительницы Православия, -условие, без выполнения коего православное богословие, очевидно, не было бы достойно своего имени, и которое, однако же, весьма мало выполнялось во всех прежних богословиях. Автор, напротив, выполняет его со всем постоянством и усердием не только в отношении каждого трактата, но и каждой главы, даже иногда – параграфа. Таким образом, учительницей догматов является у него сама Церковь, а он служит ей только верным истолкователем и покорным орудием. Это самое давно многие желали видеть в догматике и не видели доселе: теперь желание сие удовлетворено вполне. Ибо автор не ограничился в сем отношении приведением только главных пунктов церковного учения касательно главных догматов, но выставил оное (первый) с отчетливостью касательно всех прочих, – даже в отношении к некоторым частным истинам. Таким образом устранена совершенно печальная необходимость, прочитав какой-либо богословский трактат, спрашивать: а так ли точно учит Святая Церковь?

За изложением учения Церкви у автора всегда следует подтверждение его из Священного Писания, ибо Церковь преподает нам не свое учение и не от себя, а передает токмо то, что открыто Самим Богом через пророков и апостолов в их писаниях или преданиях.

Этим изложением библейского учения о догматах занимались все прежние составители догматик, и большая часть ограничивала сим все дело. Несмотря на то, и эта сторона догматики является у преосвященного Макария превосходнее, нежели как она находится в прежних. Не только обилие текстов, но и выбор их, особенно раскрытие и приложение к доказываемому предмету заслуживают полную похвалу и не оставляют

желать ничего более. Подобное сему можно было находить прежде только у Феофана Прокоповича, и то в меньшем размере и не с таким искусством.

Изложение догматов по смыслу Священного Писания возвышается и получает всегда новую оценку у преосвященного Макария тем, что вслед за указанием на существование их в Священном Писании всегда и с подробностью представляется, как сии же самые догматы постоянно существовали в предании Церкви Вселенской. Для сего в каждой главе являются целые ряды свидетелей сего предания, – отцы и учителя Церкви первых шести веков. Без сего всегда мог возникать в уме читателя вопрос: а так ли понимали Священное Писание Соборы Вселенские и прежние учителя Церкви, как оно изъясняется в догматике? Преосвященный Макарий (первый) вполне ответил на сей важный вопрос, со всей полнотой и основательностью, и этим оказал важную услугу богословию как науке.

Немало служит также к пояснению догматов у автора то, что он (чего не делали прежде, исключая двух-трех случаев у Феофана Прокоповича) призывает на помощь историю догматов, которая, по важности своей, давно составила из себя даже особую науку в иностранной литературе, а у нас оставалась в забвении. Благодаря обширным сведениям историческим, коих образцы показаны были в прежних исторических сочинениях автора, в Догматике его при каждом случае видим, как и почему учение Церкви касательно известных догматов определялось с той или другой стороны, в таких, а не других выражениях, что весьма много помогает к более глубокому уразумению учения церковного.

Имея в виду свойство духа времени, благоразумно также поступил автор, дав в своей догматике место для беспристрастного взора здравого разума на догматы христианские. С одной стороны, это служит для успокоения пытливости умственной, особенно в юных слушателях, с другой – составляет постоянное доказательство, что вера и откровение не боятся никаких суждений и возражений разума, и во всяком случае только превышают его понятие (логическое), но никогда не противоречат его началам, кои сами, при углублении мыслью в их источнике, все сводятся окончательно к вере в истину того, что необходимо представляется таковым в нашем сознании. Теоретические соображения автора об истинах христианства всегда отличаются зрелостью, отчетливостью, основательностью и нередко богатством самых разнородных сведений, особенно в тех случаях, где опровергает он возражения неправомыслящих, заимствованные из разных отраслей естествознания, истории и других наук. В этих соображениях, кои в прежних догматиках вовсе почти не

имели места по самой их краткости, автор весьма удачно избежал двух недостатков: направления рационалистического, господствующего ныне особенно в Германии, которое, отвергая авторитет Церкви и самой Библии, поставляет разум верховным судьей веры и, вследствие того, отвергает все, что есть в христианстве непостижимого; и направления схоластического, по коему рассуждавшие о догматах по началам разума вдавались обыкновенно в излишние диалектические тонкости и занимались решением вопросов, не только не относящихся к положительному учению Церкви и Библии, но и не содержащих в себе никакой важности.

В нравственных выводах из догматов, коими заключается у автора каждая глава, конечно, не представляется новости, так как это нередко делалось в наших догматиках и прежде; но в прежних опытах они излагаемы были обыкновенно в виде кратких и сухих положений; а здесь являются каждый раз в приличной полноте, проникнуты христианским чувством и, как зрелый сочный плод, заставляют желать изведать их собственным вкусом на опыте.

Таким образом, метод, коему следовал автор, есть самый полный и всесторонний, удовлетворяющий требованиям самого любопытного читателя, и посему весьма приличный для кафедры академической, на которой автор преподавал свои уроки.

3) При такой ученой обработке и полноте сочинение преосвященного Макария выполнило именно то самое, чего недоставало нашей богословской литературе. Феофан Прокопович начал было, как известно, излагать догматику в обширном размере; но он не довел ее сам и до половины. Последующие трактаты, dokonченные по его плану другими, вообще кратки и не так обстоятельны; притом величина самого первого тома, особенно принадлежащего Феофану, зависела, между прочим, оттого, что здесь же помещены им предварительные общие трактаты о началах богословия, что у преосвященного Макария составило предмет особого обширного и многоученого сочинения: «Введение в Православное Богословие». Опыты преосвященного Ириния Фальковского и Сильвестра также довольно обширны, но уступают творению Феофана, тем более преосвященного Макария. О других, еще более кратких опытах нет нужды и помянуть.

Такая полнота, кроме обширности метода, по коему автор рассматривал те же догматы истины в новых, не тронутых прежде сторонах, зависела у него и от того, что он дал место в своей догматике некоторым, дотоле вовсе небывалым в ней предметам, как например очерк

постепенного раскрытия догматов в Православной Церкви, история самой догматики, и прочие; а, во-вторых, оттого, что он с особенной обстоятельностью и силой старался раскрывать и утверждать те догматы, кои составляют отличительный характер православного учения Восточной Церкви и отвергаются или превращаются в других христианских вероисповеданиях, как например: учение о вечном происхождении Святаго Духа от Бога Отца, о семи Таинствах Церкви, о почитании и призывании на помощь Ангелов и святых, о молитвах за умерших, и прочие.

Вообще догматика преосвященного Макария представляет собою такую систему, православно-догматического богословия, из которой каждый желающий может изучить истины нашей православной веры основательно и во всей полноте, не только в отношении к вере, но и в приложении к жизни.

4) Это тем удобнее и легче, что вся система написана языком ясным и общевразумительным. Из прежних догматик наибольшая часть написана была, сообразно тогдашнему обычаю, по-латыни, в виде учебника, по методу более или менее схоластическому, посему и могли быть доступны только людям, знакомым с языком латинским и привыкшим к формам схоластики, а для общества, для всего православного народа русского, как бы не существовали. Другие, позднейшие опыты, хотя написаны и русским языком, но также в виде собственно учебников и методом более или менее школьным, не для всякого легким и удобовразумительным.

С другой стороны, эти опыты, по самой краткости и сжатости слога, не везде излагают истины с той ясностью и полнотой, какие необходимы для большей части наших православных читателей. Догматика преосвященного Макария устранила все сии неудобства. Она написана чистым, правильным, современным русским языком, который легко может быть понятен каждому, сколько-нибудь образованному и смыслящему человеку русскому; написана не столько в форме академического учебника, сколько в виде общенародного руководства для изучения православных догматов, и потому освобождена от всех скучных и тяжелых форм схоластики, почти неизбежных в кратких школьных учебниках.

Наконец, при той полноте, которую избрал для себя автор в изложении истин веры, при его особенном даре выражаться о самых возвышенных предметах просто и ясно, он умел достигнуть в своем сочинении высшей степени общепонятности.

Со всей справедливостью можно сказать, что наука православно-догматического богословия, которая доселе как наука была исключительно

достоянием школы, выведена автором из тесных стен ее в область действительной жизни и предложена для общественного употребления.»

Б.

При таких осязательных преимуществах пред всеми без исключения отечественными догматиками, сочинение преосвященного Макария не теряет ничего, а еще выигрывает, если сравнить его с подобными сочинениями иностранными. Возьмите какую угодно систему догматики англичан, французов и даже немцев и увидите, что самые лучшие из них окажутся ниже нашей в немалых отношениях.

В настоящее время в западной литературе признаются за лучшие догматики Иоанна Перроне, Генриха Кле и Штауденмайера. Каждая из них имеет свои достоинства, и каждая, однако же, должна уступить преимущество нашему автору, как это видно уже из тех мест его системы, где им отвергаются мнения, изложенные в сих догматиках. В дополнение к этому следует присовокупить следующее:

Догматика Перроне составлена без особой системы, по плану известного схоластика Фомы Аквината, в виде отдельных трактатов, не связанных никакой внутренней общей связью, изложена самым строгим схоластическим методом, и потому – тяжелая и утомительная для живой мысли – увеличивает недостаток сой еще тем, что почти на каждой странице вдается в диалектические тонкости и словопрения о предметах нередко самых маловажных. Если бы под формами средневековой схоластики книга Перроне не обнаруживала в сочинителе богатых сведений современных, то ее легко можно было бы отнести к XII или XIII веку.

Догматика Кле и свободна от схоластики, и имеет вид системы, но на самом деле она представляет из себя более догматический сборник, нежели систему. О каждом догмате собрано множество текстов Писания и свидетельств отеческих, но все это не проникнуто, как бы следовало, мыслью сочинителя, не запечатлено самодеятельностью авторской, не оживлено нисколько художественным творчеством. Здесь, можно сказать, приготовлен богатый материал для здания, коего значительная часть обработана искусной рукой, но нет еще самого здания.

Догматика Штауденмайера удовлетворяет требованиям системы, но имеет другой противоположный недостаток. Как в сочинении Кле слишком мало самодеятельности умственной, так здесь уже слишком много ее. Штауденмайер не принадлежит к числу германских рационалистов и пишет догматику римско-католическую; но он не столько излагает положительное учение своей Церкви о догматах, сколько

свои собственные о них соображения; не столько богословствует, сколько философствует о предметах богословия по началам новейшей философии, и даже с самыми возвышенными и непостижимыми истинами веры обходится как с истинами, совершенно заключенными в пределах разума человеческого. Наш соотечественник (как мы уже видели, говоря о плане и методе его догматики) искусно и благоразумно избежал всех этих недостатков лучших современных отношений в том же роде, а потому догматика его имеет неоспоримое перед ними преимущество. Не упоминаем уже о главном незаменимом ее преимуществе для нас в том отношении, что она написана в духе нашей Церкви и есть богословие православно-догматическое, тогда как, само собой разумеется, все иностранные догматики писаны в духе своих вероисповеданий. В сем отношении не может быть между ними и сравнения.

В.

Вообще «Православно-догматическое богословие» преосвященного Макария, рассматриваемое нами, представляет:

1. Труд совершеннейший из всех, какие являлись у нас доселе на том же поприще; и не только равняющийся по ученой обработке с лучшими современными иностранными опытами, но и в немалых отношениях далеко их превосходящий.

2. Труд самостоятельный и оригинальный, потому что автор ни в системе, ни в методе, ни в способе изложения истин не следовал никакому из отечественных и иностранных богословов, а шел своим путем, глубоко обдуманном и верно предызмеренным, черпал сведения из первых источников, из коих многие им собственно найдены и все им значительно разработаны, и таким образом при неутомимом труде воздвигнуто стройное и громадное целое, которое, при всем желании подобных явлений, по всей вероятности, надолго остается единственным.

3. Труд, удовлетворяющий всем современным требованиям науки, по стройной системе и выводу всех частей и истин из одного начала, по глубокой и обширной учености автора, по господствующему историческому направлению, столь сродному богословию, как науке положительной, по отличной ясности и вразумительности в способе раскрытия истин, даже по слогу чисто русскому, постоянно носящему притом на себе печать здравого вкуса.

4. Труд, составляющий важную заслугу не только для науки православного богословия, которую автор, несомненно, подвинул весьма далеко вперед, – не только для духовного нашего образования, в истории которого появление на свет догматики его послужит некогда одной из

замечательнейших эпох, но и вообще для всей Церкви Русской, для всех православных соотечественников, кои получают в этом труде чего давно желали, возможно полное, стройное, основательное и общедоступное изложение отличительных догматов своей Церкви, столь драгоценных для их ума и сердца.

По всем этим достоинствам «Православно-догматическому богословию» преосвященного Макария, по мнению моему, принадлежит полное право на полную премию Демидовскую, которую давно заслуживали еще прежние историко-богословские труды автора, обратившие на себя внимание всех, занимающихся движением наук и просвещения в нашем Отечестве.

Зарождение и судьба Днепра

После потопа Ноева на Руси из бездны первый вышел Алаун и, привыкнув дремать под водами, не думал спорить высотой с облаками, протянулся лениво не высоким, но зато длинным хребтом от Запада к Востоку. Кто посмотрел бы тогда с облаков (другого места для взора не было), тот подумал бы, что это плавают в океане огромный кит, коего усы и лапы увеличиваются и растут со дня на день.

Гонимые вихрями, быстро сбегали с лица земли волны потопа; в несколько дней уже во все стороны от Алауна показалась земля и суша. Все хотело, выходя из вод, принять какой-либо вид; но ничто не имело еще определенного образа и очертания: ныне вода, а завтра суша; ныне как будто суша, а завтра опять бездна.

Чреватый влагою внутри, палимый солнцем извне, Алаун полил из себя во все стороны реки и ручьи. И теперь их много, а тогда было вдесятеро больше.

Важнее всех прочих детей были две дочери и один сын. Старшая из дочерей называлась Волга, вторая за ней Двина; сыну дал отец имя Днепр.

Посмотрел на всех детей отец, посмотрел в другой и третий раз и, указывая на Волгу, Двину и Днепр, сказал:

– Вот это мои дети! Истые Алауновичи!

– Что же ты нам напророчишь, родитель? – спросили они все трое. – Как нам жить, куда течь и где кончатся?

– Живите, – отвечал Алаун, – как Бог повелит; теките, куда волна повлечет; не бойтесь бурь и ветров, гор и порогов; бойтесь одного – встретиться с морем: где оно, там всем вам конец!

Не долго думали юные! Волга, как старшая, посмотрела на все стороны и потекла на восток, к солнцу, которое тогда было еще светлее и красивее нынешнего.

Скоро сдружилась она с озерами и болотами, забрала с собой всю их силу, обтекла колесом всю землю Русскую, пережила всех братьев и сестер, и скончалась от старости: не то море поглотило ее, не то она сама разлилась шириной в море; видно только, что Волга и Каспий – как начало и конец одного и того же.

Двина, не любившая старшей сестры, тотчас обратилась на Запад; подобно ей, всюду искала жениха, и подобно ей прихотливая, не нашла его; Неман ушел от нее влево, Эмбах – вправо; а тут скоро встретилось и море, и поглотило ее со всеми водами, не сказав «здравствуй»! Не течь

было к Западу: там не только рекам, а и солнцу конец!

Днепру не из чего было выбирать – приходилось течь на север или на юг. С первого несло холодом, и Словутич понесся на юг. Тут – не то что у Волги и Двины: ни одного озера, ни одного болота; все горы да леса, лески да горки. Видно, что сухая сторона.

Днепр прыгает и играет, играет да поглатывает ручьи и речки. Уже он молодец-молодцом; напоил собой Смоленск, омыл Оршу, окаймил горы Могилевские. Пора бы и по невесту! Но где взять ее? Дубровка мала, Орша слаба; Днепр чуть посмотрел на них, велел течь при себе; а сам течет и думает об ином; уже скучно молодцу одному!

Вдруг, нежданно-нечаянно из песков и топей выходит справа тихая и скромная Березина, почти ровесница по летам и водам. Днепр не видал доселе подобной; Березина не встречалась доселе с равным; слились и потекли вместе. Днепр, как мужчина, клялся в верности до гроба; Березина, как женщина, верила Днепру; а опыт готовил, – и скоро – другое.

На беду Березины, откуда ни возмись, с левой стороны Сож – полная водами, сильная ростом, землячка Днепру и схожая нравом; Словутич забыл клятву и соединился с Сожью. Вот уже текут теперь втроем. Пора, пора Днепру остепениться: иначе пройдет худая слава по всей земле Русской.

Но вот встречается Припеть – богатая водами не менее самого Днепра. Молодец наш трогается уже не одной любовью, рассчитывает и на выгоды: «Вся фамилия Припети, – думает, – будет принадлежать мне», – и берет ее себе в жены. «Теперь, – думает, – заживу на славу, обойдусь без чужих вод, буду носить на себе целые корабли, особенно весною».

Ан, – вот перед глазами Десна. Что тут делать? Невеста славная и ищет жениха. Днепр к ней; она от него. «Вижу я, – говорит она, – какой ты непостоянный! Но я не такая доверчивая, не обманешь; но чтобы с сих пор не было у тебя новой жены. Я буду последняя, или – не буду и потеку к Дону». Днепр дал обет и соединился с Десною; то было под горами Киевскими.

С тех пор Днепр остепенился; много еще набрал он речек, но все в прислужницы, а не в супруги. Десна смотрела за мужем строго, да и искушений уже не было; настало другое время и другая судьба.

Прежде, куда Днепр ни повернет, везде широко и свободно: пески рассыпаются, леса расступаются. Теперь что-то справа начинает твердеть и упорствовать. Днепр почуял под собой гранит. Вот он высунулся уже и на поверхность. Днепр уклонился влево и течет далее; а гранит за ним и

врезывается упорнее. Днепр – все налево, и думает: «Не догнать же ему меня».

Вдруг видит врага не только справа, но и слева: с обеих сторон громады и утесы; выбирать не из чего. Выпрямил и склонил Днепр голову и бросился напролом: пробил скалы и утесы, но весь изломался сам. Не стало силы и крепости; тот же, да не тот. Берега понизились, быстрина исчезла, явились как у старца седины – камыши и плавни.

А зной?.. Что дальше, то сильнее, печет как в печи. Недолго питаться прежним запасом; нового сукурса нет. Местами появляются овраги и ложбины, но все сухие-сухие; воды ни капли.

Видит Днепр, что нехорошо, но продолжает течь, куда – сам не знает. Не воротиться же к Алауну. Слава Богу, что доселе еще нет моря!

Но что-то подозрительно: впереди что-то не дает идти. Днепр ширится и толстеет, но это недобрая толщина, как бывает у стариков перед смертью.

Стихотворение «Не унывай»

Когда угодно было Богу,
Чтоб, родившись бедняком,
Ты пролагал себе дорогу
Терпеньем тяжким и трудом,
То будь покорен, терпелив,
Неутомим и молчалив,
На помощь свыше уповай,
И никогда не унывай.

Когда Творцу благоугодно,
Чтоб в поте ты вкушал свой хлеб,
То не ропщи женоподобно
На Бога всяческих судеб;
Пред Ним смиренно преклонись,
Святою верой оградись,
И ею дух свой ободряй,
Но никогда не унывай.

Когда для ревности усердной
Тебе назначен малый круг,
И в рубежах его стесненный
Кипит порывами твой дух –
Себя в делах благих явить,
Их блеском мир сей озарить,
Смиреньем ревность укрощай,
Но никогда не унывай.

Когда по воле Провиденья,
Трудясь всю жизнь, и день и ночь,
Ты не встречаешь ободренья
И труд тебе уже невмочь,
Преодолей строптивый гнев,
И руку к Господу воздев,
Отрады свыше ожидай,
Но никогда не унывай.

И укрепившись благочестьем
В твоей страдальческой борьбе,
Не чти паденьем и бесчестьем
Последовать своей судьбе;
Но тщися в малом верен быть,
Себя для долга позабыть,
Его с любовью исполняй,
И в подвигах не унывай.

Есть всеблагое Провиденье,
Свидетель правых дел твоих,
Желаний, помыслов, терпенья,
Оно воздаст тебе за них.
Надейся, веруй и люби,
Труды свои усугуби,
В них все надежды полагай,
И никогда не унывай.

В руке Его сердца могущих,
К тебе их силен обратить
Создавший мир сей от несущих,
И через них пути открыть
Для проявления сил твоих
В деяньях творческих, благих,
Сего призванья ожидай,
И никогда не унывай.

Когда в твоём уничиженьи
Судьба невольно приведет
Тебя с нечестьем в столкновенье,
Нарушив кротости обет,
Ты истины не премолчи,
Нечестье смело обличи,
Враждой его пренебрегай,
И никогда не унывай.

Когда ж по слову Бога Слова
За правду будешь ты гоним,
Теки во след за нею снова,

Любовью к ней руководим;
Гонителей своих прости,
И, если можешь их спасти,
От бед и гибели спасай,
Но никогда не унывай.

Когда родня твоя и други
Тебя покинут, ижденут,
Забыв приязнь твою, заслуги,
Тебя забвенью предадут;
За вероломство им не мсти,
Неблагодарность отпусти,
За зло добром им воздавай,
И никогда не унывай.

Когда благое Провиденье,
Хранившее тебя от бед,
Пошлет на дом твой искушенье
Среди земных твоих сует,
Лишит тебя жены, детей;
О! реки слез об них пролей,
Об них в молитвах вспоминай,
Но никогда не унывай.

И на арене этой жизни,
Каков бы ни был твой удел,
Пожертвуй всем земной отчизне,
На подвиг за Царя будь смел,
Пред Церковью благоговей,
И умереть за них умей!..
За гробом есть Небесный край:
Награда там, – не унывай!

Когда божественная благость
Тебя за доблесть наградит,
Подаст тебе здоровья сладость,
Богатством, славой одарит,
Смиреньем кротким оградясь,
И сердцем к Богу обратясь,

Ему в щедротах подражай,
И в деле сем не унывай.

Когда обилием и силой
В сей жизни будешь обладать,
Клеврета своего помилуй,
Умей врагам своим прощать,
Не презри сиру и вдову,
Спеши на помощь к ним без зову,
Их скорби в радость претворяй,
В труде для них не унывай.

Но если спутники счастливых
Льстецы на двор твой приползут,
Стрелами взоров горделивых
Изгнать ты их не позабудь;
Правдивых в дом твой приведи,
За стол с собой их посади,
Суровой правде их внимай,
И внемля ей, не унывай.

Содержание

Трактаты святитель Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический	1
О неологизме или рационализме	2
Взгляд на греческую философию	11
Насаждение и успехи христианства в Древнем Херсоне	20
Взгляд на дипломатические сношения наши с двором Римским по делам Церкви Римской	23
О присяге епископов католических папе	25
О новоучрежденной епархии римско-католической в Херсоне	28
О воспитании польского юношества	36
О восстановлении древних святых мест по горам Крымским	39
Предложение Херсонской епархиальной консистории	47
Предложение Херсонской епархиальной консистории	49
Разбор сочинения доктора богословия епископа Макария, под заглавием «Православно-догматическое богословие»	50
Зарождение и судьба Днепра	59
Стихотворение «Не унывай»	62